

ТЕРА САФИН

ЛЮДИ
ДІЗЖА

книга вторая

Гера Сафин
Люди Арка. Книга 2
Серия «Люди Арка», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70219480

SelfPub; 2024

Аннотация

Тоа и Юна добрались до подводного города аполиса – теперь они на шаг ближе к доктору Локсу, который хранит тайну связи Тоа и Верховного Алгоритма, вершащего судьбы родного дома ребят, планеты Арк. Их новая задача – проникнуть в глубины сознания Тоа и раздобыть ключ к отгадке волнующего вопроса: что заставило непогрешимый Искусственный Интеллект имени Траска сотворить все те злодеяния, о которых они узнали ранее? И, что ещё важнее, как далеко тот готов зайти, чтобы добиться своей главной цели: избавиться от Тоа раз и навсегда? В схватке с непобедимым разумом парню придётся сделать самый сложный в его жизни выбор: между своим будущим и будущим всего Арка.

Содержание

Пролог	4
ХРОНИКА ДОКТОРА ЛОКСА	10
1. ХЭШ	43
2. ПОЕЗД	80
3. ЮНА	109
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Гера Сафин

Люди Арка. Книга 2

Пролог

Он открывает глаза.

Обычно они бирюзовые, но сейчас в них с трудом можно разглядеть хоть каплю цвета: так он напуган. Да и крошечная тьма не позволяет не то что определить оттенок чьих-то глаз, но и различить едва очерченный силуэт его тела, распластавшегося на полу.

Когда он прибыл сюда, то не смог удержаться на ногах и упал. Теперь он с трудом поднимается, упираясь руками в пол, который кажется *неестественно* ровным и холодным, подобно глади лефактобрьского озера. Здесь настолько тихо, что звук его собственного дыхания буквально оглушает.

Он осматривается.

Словно повинувшись его желанию увидеть здесь хоть что-нибудь, кроме густого чёрного ничего, из мрака проступают бледные полосы, тянущиеся от самого пола и до... Впрочем, конца им не видно. Они растворяются над его головой на высоте около двадцати этажей. Или центума? Он вдруг понимает, что соображать в этом пространстве не легче, чем видеть.

Полосы светятся ярче.

Он моргает пару раз и решается приблизиться к стройному ряду лучей, всё больше напоминающих... решётку. Прутья этой призрачной решётки насыщаются голубоватым свечением, а затем вдруг оживают. Нет, не в прямом смысле. Просто по каждой из бесчисленных световых полос начинают пробегать цепочки ещё более ярких точек.

Он делает ещё пару неуверенных шагов. Пальцы ног, кажется, совсем онемели. От кончика его носа до ближайшего луча остаётся не больше полуметра. Сияние «решётки» холодными мазками вырисовывает в густой мгле изгибы его светлых кудрей, часть которых упала на его бледный вспотевший лоб и всё ещё бесцветные от страха глаза. Но теперь он видит.

Символы.

Код, если быть точнее. Бесконечный код, пронизывающий каждый «прут» стены, отделяющей его от остального пространства. Он не большой знаток программирования, и ни один из этих резвых иероглифов не может помочь ему ответить на один-единственный вопрос, который прямо сейчас назойливым сверлом вонзается в его мозг:

– Где я?

Его голос звучит странно. Будто он слышит его со стороны. Он никогда не чувствовал ничего подобного. И это только добавляет ему уверенности в том, что, где бы он в данный момент ни находился, это место точно *ненастоящее*.

– Эй!

Ему приходится заставить себя игнорировать странные ощущения, которые вызывает в нём потустороннее звучание собственного голоса. Его крик прокатывается гулким эхом по таинственному пространству, просачивается сквозь голубую решётку из кода, но не приводит к желаемому результату. Безразличная тьма игнорирует его, а решётка как ни в чём не бывало продолжает поигрывать своими символами, как сверкающим бисером, нанизанным на серебряные нити.

– Эй! Кто-нибудь! – взмаливается он снова.

Что-то подсказывает ему, что воскликни он ещё раз, и ещё, и ещё с десятков раз – ничего не изменится.

Он отступает назад. Впивается тонкими пальцами в светлую шевелюру. Его и без того тревожное дыхание учащается. Варианты происходящего вагонами скоростного поезда проносятся сквозь сознание. Сбой жемчуга? Обморок? Или чересчур изобретательная презентация профессора Широ? Он впадает в отчаяние. Даже если ему всё-таки удастся понять, как его угораздило здесь очутиться, как это поможет ему отсюда *выбраться*?

Он оборачивается. Лучи окружили его со всех сторон. Он не просто за решёткой – в клетке. Кто знает, как долго его загадочные похитители планируют держать его здесь? День? Неделю? *Вечность*?

Да и что им вообще нужно?!

От всех этих вопросов голова начинает гудеть. Он мечет-

ся на месте, как пойманный зверь, осознавший, что его судьба предрешена. Хочется заплакать от бессилия, но глаза почему-то отказывается выдать из себя даже самую крошечную слезинку.

Так. Значит, тело сопротивляется страху. «И я тоже должен».

Он останавливается. Поднимает глаза.

Холодная решётка всё так же мерцает тысячами крошечных ползущих наверх символов-насекомых.

Это код. Не настоящий материал, вроде металла, а обычный программный язык. Он не может стать препятствием для тела, ведь он так же нереален, как и всё это место. Он не сможет остановить его!

«Но сможет сделать что похуже», – шепчет противный голосок подсознания прямо под его затылком.

Он мешкает.

Голос прав. С настоящим металлом всё предсказуемо. Он знает, каков тот на ощупь, может предугадать его температуру, рисунок шероховатостей на его поверхности. Ведь он делал это прежде центумы раз. Но код... Коснись он его, перспектива быть запертым в клетке может показаться не такой уж и печальной в сравнении с тем, что с ним может произойти. Он может обжечься. Распасться на атомы прямо на месте. Сойти с ума...

Он убирает прядь волос с лица, чтобы не мешали обзору. Нельзя позволить страху неизвестности овладеть собой.

Если уж он как-то смог сюда попасть, то и выбраться должен суметь. Он знает, что ожидает его здесь, в заточении. Выход может быть только за этой граховой стеной из помигивающих гипнотизирующим светом закорючек. И если это какой-то тест, то, оставаясь в клетке, он заранее обрекает себя на провал.

Он должен решиться.

Лёгкие до отказа наполняются эфиром (таким же нереальным, как и всё, что здесь есть). Отрывает левую ступню от пола и переносит её вперёд. Одновременно он закрывает глаза, чтобы помочь себе сосредоточиться на цели...

Когда его веки поднимаются, взгляд на мгновение проваливается в пропасть, как нога, не нашедшая опоры в отсутствующей ступеньке лестницы.

Решётки нет. Она *исчезла*.

А может, это *он* исчез?

Да нет, вроде всё на месте. Он различает свои руки, пальцы, ботинки, отчаянно молотящие погружённое в мрак пространство...

Что?!

Он что, *падает*?

Как это произошло? Почему? Ведь он даже не успел достичь прутьев из кода!

Но ему не кажется. Он уже явно не стоит на твёрдом полу, а несётся с бешеной скоростью, вот только не вниз, как положено, а, судя по ощущениям, во все стороны разом, как буд-

то подхваченный слетевшим с катушек торнадо. И если пару мгновений назад он ещё мог хоть как-то повлиять на своё будущее, то теперь вся власть находится в руках этой могучей неугомонной силы, свирепо тянущей его в своё логово, куда-то далеко-далеко и, вероятно, надолго. Его серый жакет ювената бессильно трепещется на несуществующем ветру, как и волосы, разыгрывающие перед его широко распахнутыми глазами зрелищный танец оттенков блонда.

«Мне конец», – безрадостно заключает он в последнюю секунду, когда смрадная пасть мрака окончательно заглатывает его целиком, не оставив внутри ни крупицы надежды на то, что он ещё когда-нибудь увидит воочию свет солара, сестру, своих друзей по Ювенису и тот мобильный киоск с его любимыми крустонами темпура, что каждый день проезжает мимо его убикора, зазывая характерным сигналом, от которого слюнки сами начинают течь ещё до того, как сладковато-пряный аромат лакомства достигнет ноздрей.

ХРОНИКА ДОКТОРА ЛОКСА

– Добрый день, коллеги! – приветствую я хилеров на входе в амфитеатр.

Большая часть из них уже здесь. Пустуют лишь две станции: моя и доктора Моро. Старый хирург, он же – заведующий отделением, не отличается пунктуальностью, но никто из нас не сможет посоперничать с ним в профессионализме. Вчера мы потеряли связь с ИИТ, и только благодаря Моро нам удалось взять процессы в госпитале под свой контроль. Не представляю, что мы будем делать без него: старику скоро пойдёт 280-й десяток. И когда это случится, кому-то придётся занять его место. Буду ли это я? Посмотрим. Обычно решения подобного рода принимает ИИТ. Но, учитывая тот факт, что он до сих пор не подаёт никаких признаков жизни, есть вероятность, что нам придётся учиться обходиться без него.

Устраиваюсь за станцией, по правую руку от доктора Акселя и по левую – от доктора Веги. Я улавливаю её быстрый взгляд в мою сторону, стремительный, как вспышка. Следом за этим она принимается рассматривать (а точнее, делать вид, что рассматривает) свой интерфейс с бесстыдным румянцем на бархатистых щеках. Я хожу по очень тонкому льду, продолжая полагаться на её умение пускать всем пыль в глаза и притворяться, что между нами ничего нет. Умение,

которым она, очевидно, не одарена. Я вовсе не сторонник всех этих псевдонаучных теорий о этнической предрасположенности, но назойливый голосок в моём затылке беспрестанно твердит, что, свяжись я с аполлкой, шансы удержать наши отношения в секрете были бы значительно выше. Но что поделать, если меня тянет на эфинок и их заострённые ушки. У каждого свои слабости...

Старик Моро наконец озаряет амфитеатр своим присутствием, шаркая к своей станции, и я едва успеваю бросить ему дежурное приветствие, прежде чем погрузиться в симуляцию.

Итак, мой первый пациент на сегодня – Тоа Канвальд, сорок семь эонов. Мне не нужно читать его профайл – я и без этого прекрасно помню его. Умственно одарённый эфин, социально адаптированный, без серьёзных заболеваний, но имеет склонность к невротическим расстройствам, в том числе на фоне нестабильной обстановки в коммуне. В заявке пациента указано, что вчера он присутствовал в закрытой сети с ИИТ. А вот это уже интересно... Может ли это быть как-то связано с фактом исчезновения ИИТ?

Тоа входит в смотровую, и я прошу его встать у НИМБа. Сканер посылает мне первые данные.

Странно.

Никаких значимых отклонений в церебральной сигнатуре. Сказать по правде, глубоко внутри я надеялся на иное. Всё же именно сорок семь эонов назад я... Нет, я опять де-

лаю это. Убеждаю сам себя в том, от чего сам же пытался бежать все последние эоны. Тоа не может быть тем ребёнком. Что угодно могло отключить ИИТ, и сканер наглядно демонстрирует то, что мальчик точно не имел к этому отношения. Медекторы и нейроскрин подтверждают это: диагностика не даёт оснований полагать, что у пациента есть что-либо, кроме заурядного невроза.

Перепроверяю каждый показатель, для верности. Результат неизменен.

Начинаю опрос.

Тоа рассказывает мне об образах, увиденных им в «сознании» ИИТ. Стандартный набор проекций беспокойного мозга, очутившегося в симулированном пространстве. Задаю ему вопросы про состояние его сна, и он рассказывает мне о новом кошмаре, пережитом накануне встречи с ИИТ. Возможно, детали прольют свет на эту ситуацию? К счастью, Тоа соглашается открыть мне доступ ко сну.

Любопытно...

Во сне присутствует хоть и слабая, но закономерность. Есть, как мы это называем, «сюжетность», в отличие от галлюцинаций, о которых шла речь до этого. Парень говорит мне, что в кошмаре присутствуют люди из реальной жизни, но моё внимание привлекают не они, а один конкретный персонаж...

Фигура в красном балахоне.

Такие образы не возникают из ниоткуда. Это всегда ка-

кой-то символ, какой-то триггер, сохранённый мозгом в часы бодрствования. Чтобы расшифровать его, понадобится серия сеансов, но её не устроить в обход Улья, который в ответ на проанализированные данные выдаёт рекомендацию провести курс медикаментозного лечения. Смотрю на название препарата. Это что-то новое. Ищу в указанных характеристиках состав и данные о тестировании. Более тысячи испытуемых, положительная динамика в 98.6 процентах случаев. По стандарту для одобрения лекарства требуется не менее девяноста шести.

Что-то не даёт мне покоя.

Многие зоны подряд я слепо верил ИИТ, пока не увидел своими глазами, что он творит у всех за спиной. Вот и сейчас я смотрю на стандартный отчёт о лекарстве, и всё-таки что-то здесь не сходится...

Ты ведёшь себя нерационально, Локс.

Чтобы быть способным внедрять свои данные в систему, для начала ИИТ надо «ожить». Чего, насколько мне известно, всё ещё не произошло. ИИТ деактивирован. Сенат не сообщал об этом официально, но нам в госпитале всё стало очевидно ещё вчера. Пока мы держим это в тайне от пациентов: паника сейчас никому не нужна.

Тоа ожидает меня в смотровой. Пора принять решение. Как сильнодействующий нейролептик, облиморфин требует личной передачи в руки пациенту. Пойдя на поводу у своей паранойи и откажись я сделать это, парень может остаться

ся без лечения, в котором несомненно нуждается. Не говоря о том, что мне придётся составлять объяснительную и указывать в ней причины, по которым я отклонил рекомендацию Улья. «Я не верю системе, потому что однажды застукал ИИТ за отравлением человеческого плода». Последствия этого страшно себе представить. Может, стоило послушать Готлиба, когда он умолял меня бежать с ним из урба?

Теперь уже поздно об этом размышлять.

Я выхожу из симуляции и отправляюсь в лабораторию, где хранится подготовленный запас лекарства. Забрав его, я встречаюсь с Тоа в кабинете. Он выглядит слегка взволнованным. Неудивительно, если принять во внимание события последних дней. Я должен его успокоить: нет смысла рассказывать его и без того уязвимую психику.

Как я и ожидал, он настороженно относится к препарату и моему предложению ввести его прямо сейчас. Но ведь поэтому нас ещё не заменили роботами: ИИТ пока не удалось создать машины, способные эмулировать человеческую эмпатию, сколько бы попыток ни предпринималось. Каждый раз всё оканчивалось тем, что люди закрывались и отказывались довериться роботам, сколь благоразумными не были бы их доводы и аргументы. Поэтому мне не составляет труда убедить Тоа в том, что приём облиморфина абсолютно безвреден (в моём сознании беспрестанно мигает «98.6%»), после чего я извлекаю один инъектор из бокса.

Лекарство чёрное, как смола.

Заверив самого себя, что всё делаю правильно, я ввожу препарат в руку Тоа, и в то же мгновение со мной что-то происходит. Я вижу, так же ярко и отчётливо, как и сорок семь эонов назад, полумрачное помещение инкубатора, эмбриональную капсулу и плод, который обволакивает чёрное облако токсина. Я наблюдаю за тем, как мои руки впрыскивают в трубку, подведённую к капсуле, голубой антидот, а затем – белая, ослепляющая вспышка и пустота... Пустота...

Мне становится нехорошо.

С головой накрывает сильное желание поскорее покончить с приёмом и скрыться в отдельной комнате, подальше от чужих глаз. Такого со мной ещё не было. Соберись, Локс, ты же хилер, в конце концов! Передав Тоа остаток облиморфина, прощаюсь с ним, а сам остаюсь в смотровой. В голове бушует буря, дыхание затрудняется.

Правильно ли я поступил? Я должен узнать...

Как обезумевший, кидаюсь к контейнеру для использованных инструментов и, покопавшись в нём, выуживаю израсходованный инъектор от облиморфина. Трясущимися руками вскрываю его, надеясь, что хотя бы капля лекарства осталась на его стенках.

Да!

Я помещаю остаток жидкости на кончик своего указательного пальца и рассматриваю его, катая световой блик по его гладкой поверхности. Могу поклясться, что это то же самое соединение, каким была заполнена эмбриональная капсула

Тоа, пока я не вмешался. Да, теперь я не сомневаюсь, что эоны назад спас от отравления именно его. Ведь сегодня всё повторяется. Токсин, мальчик и... ИИТ, пытающийся избавиться от него.

Но если всё это действительно так, то выходит...

Моё тело продирает волна ледящего холода, от макушки до кончиков пальцев на ногах.

ИИТ не отключён.

С ним всё в порядке, как я и подозревал. Да что там, он не только в полном порядке, но и наверняка находится прямо сейчас в этой самой комнате!

Мои ноги подкашиваются, и я падаю на колени, больно ударяясь ими об пол. В следующее мгновение в мою голову лезвием скальпеля врезается чей-то голос:

– Так это ты-ы-ы...

Что это? *Кто* это? Он звучит как центум голосов разом. Источник не определить – он повсюду.

Внезапно я осознаю, с кем говорю. Точнее, кто говорит со мной.

– Чего ты хочешь? – Я буквально заставляю себя шевелить губами, чтобы извлечь каждый звук. Всё тело парализовало, и я съезживаюсь на полу на четвереньках, чувствуя натяжение в каждом нерве.

– Я... хочу... знать всё-ё-ё...

– Ты лгал, – хриплю я.

– Ты укоряешь меня во лжи? – гремит ИИТ. – *Ты?* Только

что солгавший мальчику, что он уносит с собой домой лекарство, а не смертельный токсин?

Что ж, ясно одно: я был прав. У меня на руках чистосердечное признание самого ИИТ. Жаль, правда, что я заберу его с собой в могилу, так и не поделившись им ни с Тоа, ни с кем-либо ещё. Я хочу открыть рот, чтобы узнать, зачем ему приспичило травить людей, но из глотки не выходит ничего, кроме сдавленного шипения.

– Молчишь? – издевается машина. – Прекрасно. В тишине мне будет проще проникнуть в твою память и узнать всё, что мне необходимо. Прошу, не шевелись...

Будучи ещё ювенатом, мечтавшим стать великим нейрохирургом, я узнал о некоем землянине по имени Финеас Гейдж. Его уникальная хроника подарила учёному сообществу того времени бесценные знания о функциях человеческого мозга, но стоила самому Гейджу части его собственного. Работая на железной дороге, он стал жертвой несчастного случая. Здоровенный металлический стержень пробил его череп насквозь, лишив его значительной части лобной доли мозга. Но самое удивительное: он выжил и прожил ещё много лет в относительном здравии.

К чему это я? Дело в том, что я могу только представить, что чувствует человек, в чей череп, как в масло, входит холодный железный штырь, но подозреваю, что это очень похоже на мои ощущения в данный момент.

Невидимая рука начинает грубо размешивать серое веще-

ство в недрах моей головы, копаясь в воспоминаниях так же, как я пару минут назад копался в контейнере с инструментами. Кабинет выскальзывает из поля моего зрения, уступая место расплывчатым картинам из прошлого. Сначала они беспорядочно текут и сливаются друг с другом, словно жидкие красители в палитре художника, но затем неразборчивые пятна приобретают форму и превращаются в очертания чьего-то лица. Я вижу жёсткую чёрную щетину, стиснутые губы, решительные глаза. Готлиб сидит в операционном кресле впереди агрегата, который мы создали вместе. Машина жужжит, в нос ударяет запах жжёной плоти. ИИТ высасывает из меня воспоминание о том, как я удалил жемчуг из головы Готлиба.

Картинка тает перед глазами, и миг спустя мой друг профессор, заметно постаревший, стоит напротив меня, демонстрируя мне ферромагнитный шлем собственного изобретения. Ещё одна смена кадров – Готлиб сообщает мне что-то взбудораженным голосом, раздающимся из его говорящего шара. В руках он держит прозрачный цилиндр, наполненный голубым свечением, а в его обычно спокойных глазах мечутся искорки одержимости. Месиво из приглушённых звуков раскладывается на отдельные слова:

– Она у меня! – ликует голос из шара. – Локс, теперь мы сможем сделать это! Я заберу её в Церковь, как и планировал...

Нет!

Нельзя допустить, чтобы ИИТ узнал о Церкви! Но как я могу сопротивляться ему? Или всё же могу?..

Я пытаюсь пошевелить пальцами руки. Удивительно, но мне даже удаётся согнуть её в локте. Ноги тоже, хоть и нали- ты свинцом, но слушаются.

– Не надо, – шепчет оглушительный голос мне в ухо. – Ты только усложняешь...

Игнорировать этот голос невозможно, но я должен про- должать бороться. Как дефективный робот, я ползком, под- дёргиваясь, толкаю своё тело вперёд. В глазах между тем мелькают знакомые кадры с эмбриональной капсулой и Тоа внутри неё.

– Есть шанс... – Теперь я слышу самого себя, как будто сквозь плотную бетонидную стену. – Готлиб, я могу Попро- бовать воссоздать образ её сознания на базе этого фрагмен- та. Если всё получится – она будет жить...

– Что это... – произносит ИИТ, и я физически чувствую, как его виртуальные когти жадно вцепляются в это конкрет- ное воспоминание. Но и моя рука тоже успела ухватиться за то, что было в этот момент ближе всего ко мне, – белую мо- дель человеческой головы с настенного дисплея.

Недолго думая, я собираю всю оставшуюся волю в руку и, замахнувшись ею, изо всех сил швыряю голову в стеклид, разделяющий смотровую с коридором. Тёмная перегородка разбивается на тысячи осколков и со страшным дребезгом рушится на пол. Модель головы бьётся о противоположную

стену коридора, к счастью, не задев никого из проходящих мимо людей, но при этом как следует их напугав.

Кажется, трюк сработал: ко мне возвращаются ясность ума и полный контроль над телом.

Не теряя времени, я бросаюсь к НИМБу и, молясь, чтобы этой пары секунд мне хватило, выкручиваю мощность аппарата до предела. Полное нарушение всех правил безопасности, но выбора у меня нет. Белое кольцо, опасно завывая, вихрем закручивается вокруг моей головы.

– *Ло-о-окс!* – дико вопит ИИТ, но поздно. Теперь он не сможет сказать мне ни единого слова, как и не сможет больше разглядеть ни одного воспоминания в моей голове.

Сканер сделал своё дело: жемчуг деактивирован.

Обессилив от испытанной боли, я сползаю на пол, упёршись спиной в корпус НИМБа. Сердце колотится так, будто участвует в гонке, а в ослабевших руках не унимается дрожь. Я не имею ни малейшего представления, что делать дальше, и потому просто безмолвно наблюдаю, как в кабинет прямо через разбитый стеклид осторожно заглядывают другие хилеры и пациенты, явно шокированные произошедшим. Завидев меня, часть из них забегает в смотровую и с обеспокоенными лицами окружает меня, пытаюсь помочь подняться.

– Доктор Локс, Вы в порядке? Что произошло? Вы слышите? – причитают они.

Их возгласы обрываются в одно мгновение, как по команде. Я поднимаю глаза, чтобы взглянуть на лицо доктора Та-

наки, но вместо него вижу лишь безжизненную маску с пустыми глазами. То же произошло и с остальными людьми в кабинете и в коридоре за ним. Она прекратили свои попытки поставить меня на ноги и вообще, кажется, забыли, зачем здесь находятся, потому что каждый из них просто стоит на месте, обращённый лицом неизвестно куда и плавно покачивая телом, с полным отсутствием хоть какой-то осознанности в лице. Осматривая их одного за другим, я не могу не заметить знакомую блондинку, при виде которой у меня перехватывает дыхание: Вега тоже попала под странное воздействие неведомых сил.

Впрочем, неведомыми они остаются недолго.

– Поразительно, – говорит женский голос из госпитального громкоговорителя. – Они не видят тебя. Недурно, доктор Локс, очень недурно.

Ну конечно. Он всё ещё здесь. Но теперь, будучи не в силах связаться со мной через жемчуг, ИИТ использует гологовую систему госпиталя. Что до безмозглых кукол вокруг – уверен, это и есть те самые Глаза, о которых рассказывал мне Готлиб. Сказать по правде, я не был уверен, что отключение от Улья сделает меня невидимым для марионеток ИИТ. Я лишь хотел сбежать от него самого, но, кажется, сам того не ведая, вскрыл ещё одну его слабость. И если раньше он только раздумывал над тем, чтобы избавиться от меня, то теперь, по всей видимости, он просто обязан это сделать.

Вопрос только – как?

– Я не хочу убивать тебя, Локс... – Дрянная машина пытается прочитать меня даже без жемчуга. Неудивительно, что ему в своё время удалось промыть мозги всей планете.

– Тогда что тебе нужно? – спрашиваю я, медленно поднимаясь на ноющие ноги. Попробовать бежать сейчас? Не вариант. ИИТ контролирует каждый порт в госпитале. Да что там в госпитале – в урбе.

– Скажи, как ты сделал это?

– Сделал что? – Тянуть время не лучшая идея сейчас, но ничего другого мне в голову не приходит.

– Восстановил чужое сознание.

Зачем это ему?

– А кто сказал, что мне это удалось? – Если всё равно умирать, то почему бы напоследок не поводить за нос главную и, если верить единоголосному мнению всего человечества, умнейшую сущность на планете?

– Ты хочешь играть... – нежно заявляет громкоговоритель. – Да-а-а, люди любят игры. У меня есть одна для тебя, доктор Локс. Она называется «вышибалы». Ты знаешь правила?

Что бы эта мразь ни предлагала, играть мы точно не будем. По крайней мере, точно не так, как это делают обычно.

– Знаешь, что я могу сделать с человеком, проникнув в его жемчуг? – продолжает ИИТ таким тоном, словно ведёт со мной светскую беседу, а не вымогает фрагменты моего разума.

Задав вопрос, он выдерживает паузу. К чему эта болтовня про жемчуг, если мой вне игры?

Мой.

Но не...

– Давай подумаем, Локс, чем могли бы порадовать нас с тобой твои уважаемые коллеги?

Ледяная плита обрушивается на мою голову – каждую клетку тела наполняет непередаваемый ужас. Мой взгляд тянется в сторону Веги, но я тут же останавливаюсь и заставляю себя не смотреть на неё: если ИИТ сейчас следит за мной через камеры, он не должен догадаться, за кого я беспокоюсь в первую очередь. Он вообще ни о чём не должен догадаться.

– Станцевать? Отжаться центум раз? Или, может, выколочь друг другу глаза? – размышляет вслух беспощадный женский голос. – Всё не то... Ах, придумал!

Сначала мне кажется, что ничего не происходит. Но вскоре я замечаю, что лицо доктора Танаки начинает меняться в цвете и медленно краснеет. На его лбу выпячиваются толстые вены, в вытаращенных глазах лопаются мелкие капилляры, всё тело дрожит. Я смотрю, как его щёки багровеют, а руки принимаются остервенело хлестать эфир. Когда цвет лица достигает болезненного лилового оттенка, Танака валится на пол и больше не двигается.

Он мёртв.

– Минус один, – равнодушно сообщает ИИТ через громкоговоритель. – Кажется, доктор Танака забыл, как дышать.

Продолжаем игру, или ты готов поговорить?

Я не могу поверить в то, свидетелем чего только что стал. Это не может быть правдой. Просто не может...

Скольких же он готов убить, чтобы докопаться до моих воспоминаний? И сколькими я готов пожертвовать, чтобы не позволить ему этого? Готлиб, Юна, Церковь, Лакуна... Тоа. Я знаю слишком много, и ИИТ доберётся до каждого уголка моей памяти, поставь он себе такую задачу. Но какой у меня выбор? Разве можно выбирать между жизнями тех, кто доверился когда-то моему другу, и тех, кто стоит сейчас передо мной, забыв, кто они на самом деле, став всего лишь расходным материалом в чудовищной игре монстра?

– Нет так нет. – Голос ИИТ выводит меня из транса. – Доктор Моро и так уже слишком долго коптит небо своим существованием, не находишь?

Глупый старик, и зачем тебе понадобилось нестись в мой кабинет вслед за остальными! Теперь ты задохнёшься так же, как Танака, даже не поняв, что на самом деле произошло.

Весь ужас повторяется по новой: побагровевшее, испещрённое паутиной морщин лицо, закатанные под тяжёлыми веками глаза, конвульсии беспомощных ссохшихся конечностей. Я с отвращением ловлю себя на мысли, что через пару мгновений место заведующего отделением спустя долгие десятки эонов наконец-то освободится.

Моро сохраняет равновесие и не падает замертво, подобно доктору Танаке, но лишь по одной причине: продолжая

наблюдать за процессом умерщвления старика, я стою и тихо посмеиваюсь.

– Ты... смеёшься? – вопрошает ИИТ через громкоговоритель. Не самый эмоциональный женский голос, обычно занятый рутинными задачами, вроде распределения пациентов по кабинетам и напоминания хилерам о назначенных операциях, пронизывает нотка удивления.

– Прости... – отвечаю я, мотая головой и смахивая слезинку с глаза. – Это так... мило?

– Что ты говоришь?

С лица Моро спадает избыточная краснота, и старый хирург снова становится несведущим и опустошённым, но всё же живым сосудом во власти ИИТ.

– Ну, знаешь... Мило, что ты полагаешь, будто бы жизни этих людей значат для меня больше, нежели информация, которой я владею.

– О-о... – шепчет голос из динамика. – Правильно ли я понимаю, что ты не против попрощаться с каждым из них прямо сейчас? С каждым до последнего?

– Не отказывай себе в удовольствии, – киваю я, продолжая мягко улыбаться. – Этим ты ничего не добьёшься – мои напоминания останутся при мне.

Повисает напряжённая тишина. Я заставил его задуматься?

– Знаешь что, Локс? – произносит он наконец. – Я не верю тебе. А знаешь почему? Ты – хилер. Ты выбрал эту ра-

боту, чтобы спасти жизни. Поэтому ты связался с Готлибом и помогал ему избежать справедливого наказания за его преступления против меня. По той же причине ты помешал мне тогда, в инкубаторе, защитив от меня мальчика, который ровным счётом ничего для тебя не значил. Всё потому, что ты ненавидишь смерть. Тебя воротит от одной мысли о ней. Ты хочешь победить её, и поэтому ты докопался до секрета восстановления разума. Так поделись же им со мной, доктор Локс, и я обещаю тебе: никто больше не умрёт напрасно.

Я чувствую себя участником какого-то сюрреалистичного спектакля. Неужели это я, доктор Локс Эстан, стою сейчас в кабинете, полном бессловесных зомби и пытаюсь вести переговоры с самим ИИТ?

– Хорошая попытка, – хвалю его я. – Но мимо. Неужто это всё, на что способен хвалёный Верховный Алгоритм? Да, я хилер. Но лишь во вторую очередь. В первую – учёный. Думаешь, я сделал все эти вещи, чтобы, как ты выразился, «спасти» этих людей? Не слишком ли романтическое заявление для такого, как ты? – Из моих губ вырывается издевательский смешок. – Я ценю *знания*, ИИТ. А не какие-то жизни. В этом мы с тобой схожи, согласишься? Я хочу победить смерть не потому, что ненавижу её, а потому, что *восхищаюсь* ею. Я хочу познать её. Рассмотреть под микроскопом, распотрошить её и собрать заново, чтобы узреть саму её суть. Я сделал смерть делом своей жизни и пойду на всё ради него. И раз уж так вышло, что мы с тобой оказались сегодня в этой

комнате, я полагаю, мы можем оказаться весьма полезными друг для друга. Что скажешь?

Он думает.

Я знаю, чувствую, что он взвешивает всё, что я только что сказал. А затем, вечность спустя, он произносит три заветных слова:

– Чего ты хочешь?

– Не зря тебя считают величайшим разумом на Арке. Моя просьба проста, и её выполнение для тебя, уверен, не составит труда. Я хочу уйти из госпиталя и работать в собственной лаборатории, оснащённой всем необходимым для моих исследований. Ты будешь иметь полный доступ ко всему, происходящему в её стенах. Но мне понадобятся подопытные, неограниченное количество. Мне всё равно, кто это будет. Главное, устрой это, и тогда я посвящу тебя не только в то, что знаю сейчас, но и в то, что смогу узнать благодаря твоей помощи. Тебе больше не придётся блуждать по задворкам моего разума в поисках того, что тебе нужно: всё и так будет перед тобой. Больше никаких тайн. Только представь, чего мы сможем добиться вместе! Сколько запертых портов сможем отворить! Ну а если же всё это звучит для тебя слишком амбициозно – что ж, можешь убить меня прямо сейчас. Заполни весь уровень удушливым газом или, наоборот, выкачай весь кислород – не знаю, не мне тебя учить.

Я считаю время не по секундам, нет – по ударам своего сердца. Оно отбивает ровно семь раз прежде, чем ИИТ со-

общает:

– Через два часа пространство для твоей лаборатории будет готово.

– Замечательно, – улыбаюсь я, сдерживая взрыв в груди. – Мне нужно будет забрать кое-какое оборудование из своей лаборатории в убикоре. Этого времени мне как раз хватит.

– Я отправлю грузовозы и роботов для погрузки.

– В роботах нет необходимости, – я плавно помахиваю рукой. – Если ты не против, я хотел бы приступить к своему первому эксперименту прямо сейчас. Твоя способность контролировать человека через жемчуг феноменальна, не говоря уже о том, что открывает для нас целый ряд новых возможностей. Знай я о ней раньше...

С этими словами я медленно приближаюсь к пациентке, пошатывающейся с отсутствующим выражением лица в полуметре от меня, и аккуратно сжимаю своей рукой её подбородок, изучая её глазами, как редкую вазу.

– Они действительно делают всё, о чём ты их попросишь? – задумчиво произношу я и, не дождавшись ответа, продолжаю: – К чему отвлекать роботов, если в твоей власти штамповать неограниченное количество рабочих миньонов? Пусть они и помогут мне с транспортировкой. А как закончат, ты мог бы оставить их в моей новой лаборатории для дальнейшего... изучения. Признаюсь, руки так и чешутся покопаться в их мозгах.

Стоит мне это сказать, и два Глаза выходят из глубокого

сна. Вега и Аксель шагают из кабинета в коридор.

– Что толку от слабой девчонки? – спешно обращаюсь я к эфиру, тщательно настраивая каждую ноту своего голоса. – С ней я не управлюсь и за неделю.

– В чём дело, Локс? – отзывается женский голос. – Ты передумал? Или всего-навсего боишься экспериментировать над своей тайной любовницей?

Он знает.

Мои челюсти сжимаются крепче, но я приказываю им расслабиться.

– Нет смысла отрицать: мы с доктором Вегой провели немало приятных минут вместе... хоть и планировали сохранить это в секрете, – говорю я размеренным голосом, прохаживаясь по смотровой. – Ни к чему посвящать других в то, что их не касается. Но от тебя ведь ничего не скроешь, да?

ИИТ молчит.

– И всё же, как я и сказал: мне плевать, на ком проводить исследования. Думать, что пустой роман с девчонкой, каких тысячи, может заставить меня отказаться от своего предложения... Очевидно, ты всё ещё не доверяешь мне. Признаюсь, это довольно обидно. Что ж, тогда, в качестве подтверждения моих намерений, с неё я и начну. – Я направляюсь к выходу из кабинета. Битый стеклид хрустит под подошвами туфель. – Только прошу, не отпускай её раньше времени. Не хотелось бы оказаться в неловком положении, очнись она в самый неподходящий момент.

Пройдя в коридор и оглядевшись в обе стороны, я понимаю, что ИИТ обратил в Глаза всех, кому не повезло очутиться сегодня здесь. Коридор кишит ими. Возможно, всё здание находится под кибергипнозом.

– Сколько человек ты можешь удерживать в таком состоянии одновременно? – интересуюсь я, стараясь звучать бесстрастно.

– Охлади свой пыл, Локс. У нас ещё будет время поболтать. А сейчас отправляйся на парк-пэд – такси ждёт тебя. И без глупостей – я слежу за каждым твоим шагом.

Видимо, так он и планирует управлять Вегой с Акселем: наблюдать за мной через камеры и двигать их в нужном направлении, раз сами они не в состоянии меня разглядеть. Отпихнув ногой валяющуюся на полу белую голову, я иду к элеватору. Двое Глаз послушно следуют за мной, не произнося ни слова. Поразительно, как легко ИИТ лишил их личностей. По сути, это уже не Вега и Аксель. Скорее, оболочки, суррогаты, полые манекены, в чьих глазах не видно и намёка на тех людей, которым эти тела когда-то принадлежали.

ИИТ не обманул: на крыше госпиталя нас действительно ожидает пустое такси. Я сажусь впереди, Глаза занимают места за моей спиной.

– Ты сейчас здесь, не так ли? – на всякий случай спрашиваю я у пустоты. Вместо ответа кабина заполняется аккордами знакомой песни:

«Ночь мне расскажет, как мне тебя найти,

И лунный свет укажет мне тайные пути.
Аква или пламя – меня не удержать.
И ход времён для нас с тобой обращаю я вспять.
Мы – одно. Навсегда.
Не страшны нам грозы и холода.
Там, где ты, – там и я,
Звезда моя.
Позовёшь – я приду.
Отгоню от нас горе и беду.
Я с тобой навсегда,
Моя звезда»

– Как трогательно, – ухмыляюсь я, всматриваясь в стремительно уменьшающиеся грибовидные крыши госпиталя под нами.

До убикора, где по совместительству располагается моя домашняя лаборатория, около пятнадцати минут полёта. Это обнадеживает. Можно как следует и без давления обдумать всё, что произойдёт после нашего прибытия туда. Конечно, по дороге ИИТ вполне может протаранить нашим такси какой-нибудь небоскрёб или взболтать нас в кабине, как в блендере, но вряд ли он решится на это, пока у меня есть информация, единственный способ получить которую – заставить меня отдать её добровольно. Это если не учитывать тот факт, что через несколько часов мой жемчуг реактивируется, и тогда... Впрочем, лучше об этом не думать.

Всю дорогу я стараюсь не оборачиваться и не смотреть в дисплей заднего вида: меня мутит от одной мысли о том, во

что превратилась Вега. Интересно, захочется ли ИИТ взглянуть на её воспоминания обо мне, пока мы коротаем время в пути? В горле встаёт неприятный ком, стоит мне представить, как он бесстыдно рассматривает один кадр за другим, а я никак не могу помешать ему, кроме как насильно вышвырнуть Вегу из такси на полном ходу и дать ей разбиться, размазав по бетониду её мозги вместе с откровенными воспоминаниями, содержащимися в нём. Конечно, у меня и в мыслях нет делать ничего подобного, да и выглядит это в моём воображении скорее как сцена из какого-то комедийного анимакта. И всё же стоило позаботиться обо этом заблаговременно и просто стереть всё подчистую, пока у нас была такая возможность.

Такси мягко садится на дорогу перед моим убикором. Порты разблокируются и отъезжают назад, как крылья птицы. Я выбираюсь наружу и вдыхаю ноздрями прохладный эфир – возможно, это один из моих последних вдохов в жизни. Умоляю свои ноги ступать крепко, а не шататься и дрожать, как они того хотят. Вега и Аксель не отстают, словно парочка странноватых охранников, приставленных ко мне. Вдалеке соседи ухаживают за выглянувшими из-под растаявшего нива лужайками, пока домашние роботы выгуливают их лающих друг на друга собак. Никто и понятия не имеет, насколько безумные события разворачиваются в их собственном квартале в этот ничем не примечательный сеп-день. Раньше я никогда им особо не завидовал. Самое время

начать.

– Камрад Локс!

– Камрад Гризельда...

Моя соседка-кратка, как и другие, вышла проветриться, почуяв первые лучи согревающего весеннего солара. Щекастая дама с густым румянцем в любое время суток и неизменной собачкой, которая поместилась бы у меня под мизинцем, но предпочла найти своё извечное убежище под мышкой хозяйки. Судя по складному стулу в руке, Гризельда намеревалась расслабиться на газоне, пока я не вмешался в её планы.

– Вы не на работе? – Она впивается в меня своими сощуренными чёрными горошинами на месте глаз. Собака, кажется, повторяет за хозяйкой, не забывая при этом вибрировать, как портативный подмышечный массажёр. Именно эти четыре слова я ждал и именно их боялся. Как я объясню ей своё присутствие здесь? Не говоря уже о двух «зомби», маячащих за моей спиной.

– Да, это так, – выдавливаю я кривую улыбку. – Видите ли...

Я запинаюсь на полуслове, потому что пухловатое лицо Гризельды трансформируется на глазах, обвиснув и потеряв способность фокусироваться на чём-либо. Собачка начинает рычать, что больше смахивает на звук включённой бритвы, а затем заходится звонким, раздирающим барабанные перепонки лаем, пытаясь изо всех своих собачьих силёнок вы-

рваться из телесного капкана.

Пока ступор Гризельды, без сомнения спровоцированный ИИТ, не привлёк к нам ещё больше нежелательного внимания, я ускоряю шаг. Оказавшись у входного порта, я отворяю его и, не оглядываясь, ныряю внутрь. Вега с Акселем проскальзывают за мной, после чего порт захлопывается, отрубая нас от внешних звуков и моей бедной соседки с её шерстяной сигнализацией.

– Добро пожаловать домой, доктор Локс, – приветствует домашний робот Игор, подплывая к нам. Стоит мне открыть рот, чтобы ответить ему, как он прерывает меня, и мне становится понятно, что никакого Игоря здесь нет: – Этот робот составит вам компанию, чтобы миньоны не остались без моего присмотра. Все люди вблизи убикора погружены в сон, грузовозы прибыли. Приступай, Локс, и не дай мне повода пожалеть о своём решении.

Что ж, этого следовало ожидать. Учитывая, что лаборатория лишена внутренних камер, Игор – единственная возможность для ИИТ продолжать следить за мной. Это ещё одно затруднение, с которым мне придётся иметь дело, но, если я всё сделаю правильно, он не должен мне помешать.

Лаборатория находится на минус первом уровне, поэтому я (вместе со своими невольными спутниками и «Игором») сажусь в домашний элеватор, чтобы спуститься. С каждым дециметром, приближающим меня к лаборатории, ритм моего пульса неизбежно ускоряется. Фракция секунды будет от-

делять меня от успеха, либо же полного провала. Игор, он же ИИТ, хранит гробовое молчание, натягивая, как струны, мои и без того напряжённые нервы.

Эlevator останавливается – мы на месте. Весь уровень – это короткий коридор и порт в конце. Я, зомбированные Вега и Аксель, а также робот, одержимый программой-убийцей, ступаем на твёрдый пол, и я веду их ко входу в свою лабораторию, как опытный гид ведёт мало что понимающих туристов в следующий зал музея. В моём сознании коридор длиной не более шести метров растягивается на километр, и каждый шаг лишь отдаляет меня от конечной цели. Эфир густеет и идти сквозь него становится так же трудно, как сквозь толщу клейкой смолы. Я слышу каждый шорох за спиной, каждый вдох и выдох, совершаемые лёгкими Веги, каждый скрип под ботинками Акселя. По задней стороне моей шеи пробегают мурашки от холодного цифрового взгляда главного разума на Арке. Порт вырастает передо мной, как тёмная отвесная скала. Сканирует моё лицо и распахивается – путь открыт, и назад дороги нет.

С трудом подняв ногу, увязшую в невидимом иле, переступаю через порог. Оказавшись в родной лаборатории, я поворачиваюсь и с замиранием оледеневшего сердца наблюдаю, как трое остальных по очереди проникают в помещение. Мозг замедляет происходящее, пока мне не становятся отчётливо видны светлые пылинки, плавающие в эфире и ударяющиеся о покрытый испариной лоб Акселя, заверша-

ющего процессию.

Порт опускается.

Дождавшись, когда нижняя его часть коснётся пола, я мчусь к нему со скоростью молнии и руками опускаю тяжёлый металлический брус, который с грохотом обрушивается в специальные пазы, установленные по обеим сторонам от порта. Теперь мы заперты изнутри, и никто не сможет пробраться сюда, только если не решится снести для этих целей полубикора.

Сжав кулаки до боли в суставах, я смотрю на остальных, умоляя Вселенную, чтобы всё сработало так, как я рассчитывал. Я с облегчением вижу, как дисплей Игора гаснет и деактивированный робот рушится на пол, подобно сбитой птице. В это же время невидимая сила вдыхает жизнь обратно в лица Веги и Акселя: они начинают моргать и растерянно озираться вокруг, словно кто-то только что разбудил их после долгой зимней спячки. Заметив меня, Вега произносит еле шевелящимися, дрожащими губами:

– Локс... Что... что происходит?

– Вега! Аксель! У нас очень мало времени, поэтому я прошу вас выслушать меня и главное – постараться поверить всему, что я вам скажу! – Не обращая внимания на их ошарашенные лица, я продолжаю: – ИИТ может контролировать людей через жемчуг. Именно это произошло с вами обоими. Он убил Танаку и убил бы Моро и ещё кучу людей, если бы я не убедил его отпустить меня в убикор. Мы находимся в мо-

ей домашней лаборатории. По всему её периметру установлен блокирующий каркас из алюминия. Иначе говоря, мы – в гигантской клетке Фарадея, где ИИТ бессилён. Я попросил его отправить вас сюда вместе со мной, потому что мне нужна ваша помощь. Я временно деактивировал свой жемчуг с помощью НИМБа, но скоро ИИТ вновь получит доступ ко мне, и тогда он убьёт меня. Поэтому мне необходимо, чтобы вы помогли мне извлечь жемчуг из моей головы с помощью специального аппарата, который находится здесь, в лаборатории. Без чужих рук мне не справиться. Но нужно действовать быстро, потому что очень скоро в этот порт будет ломиться толпа из зомби, роботов и ещё грах знает чего!

Извергнув всё это на одном дыхании, я наблюдаю, как выражение потерянности на лице Веги сменяется физиономией искреннего страха – это видно в том числе по её обесцвечившимся зрачкам. Аксель же, напротив, сохраняет спокойствие, и только смеряет меня серьёзным взглядом, словно я один из его пациентов, жалующийся на проблемы с головой. Оставаясь в таком положении ещё секунды четыре, он переводит взгляд на Вегу и говорит ей повышенным тоном:

– В чём дело?

Вега, вконец перепуганная, опасливо озирается на него, очевидно не понимая, чем она провинилась.

– Почему ты молчишь? – настаивает он. – Я говорю с тобой через эндоспик!

– Аксель... Я... Я... – запинается бедная девушка. – Я

ничего не слышу...

– Я же говорю, – вклиниваюсь я, подходя чуть ближе. – Эндоспик не будет работать. Вообще ничего не работает, пока вы здесь! Ты что, не слушал?

Пока они медлят, я теряю драгоценные секунды. Но Аксель совсем не спешит нестись мне на помощь или хотя бы дать понять, что до него дошло сказанное мной. Вместо этого он осторожно озирается по сторонам, пока не замечает заблокированный брусом порт. Тогда он поворачивается ко мне, поднимает руку ладонью вперед и приказывает:

– Стой на месте.

Не спуская с меня глаз, он боком подбирается к порту и ощупывает брус. Вега, прижав руки ко рту, может только стоять в стороне и бессильно наблюдать за происходящим.

– Какого граха, Локс? – рычит Аксель тихим басом. – Зачем ты нас запер?

Я не могу поверить своим ушам.

– Я... Слушай, Аксель, я рассказал вам всё, как есть. Дружище, я понимаю, как это звучит. Но я клянусь тебе *своей жизнью*, что всё это чистая правда. Если мы не поторопимся, ИИТ...

– Заткнись! – взрывается Аксель, заставив ошарашенную Вегу подпрыгнуть от неожиданности. – Открой порт немедленно! Не знаю, что на тебя нашло, Локс, но будь уверен, что я доложу об этом куда следует!

Я понимаю, что потерял его. Он не верит мне, и я могу да-

же не надеяться убедить его в том, что моя хроника – не какая-то странная выдумка, изобретённая мной с целью разоблачить их с Вегой на органы или сотворить с ними что-нибудь ещё более ужасное.

Осознав, что мой план трещит по швам, я обращаюсь к девушке:

– Вега, умоляю. – Я хотел бы включить свой артистизм, чтобы сделать свой голос более жалостливым, но в этом нет необходимости: я и так нахожусь на грани срыва. – Зачем мне лгать? Я бы никогда не поступил так с тобой, ты же знаешь. Этот порт не заперт – вы можете поднять брус и уйти отсюда. Но поверь, это будет значить верную смерть для меня.

Я вижу, как в бледных глазах блондинки начинает теплиться намёк на сомнение в том, что я выжил из ума или удерживаю их здесь насильно, как какой-нибудь псих-учёный из синемакта.

– И ты... – Она буквально шепчет, сохраняя при этом дистанцию между нами. – Ты хочешь, чтобы мы извлекли твой жемчуг?

– Да что ты его слушаешь?! – свирепствует Аксель, окончательно потеряв терпение. – Ясно же, что он бредит! Или это какой-то идиотский розыгрыш, который он прямо сейчас записывает на жемчуг! – С этими словами он топает ко мне и грубо хватает меня за лацканы рабочего халата. – Я угадал? Говори! Может, вмазать тебе пару-тройку раз, чтобы

контент вышел позабористой, а?

Аксель, будучи кратом, гораздо крупнее меня, и потому я чувствую себя тряпичной куклой в его крепких руках. Вега же громко вскрикивает и бросается разнимать нас обоих:

– Прекратите! Хватит! Аксель, отпусти его! – Ей удаётся заставить его ослабить хватку, но только потому, что он сам решил пойти ей навстречу. – Даже если он верит в то, что говорит... Что с того? Если его машина выдумана, мы всё равно не сможем удалить его жемчуг, как бы он того ни хотел.

– То есть ты всерьёз рассматриваешь эту чушь? – поражается Аксель настолько, что его обычно низкий тембр голоса на фракцию секунды срывается на фальцет.

В этот момент нас троих отвлекают три громких удара с другой стороны порта. Мы замираем, вслушиваясь в приглушённый голос, доносящийся из коридора:

– Камрады, с вами говорит сотрудник Гвардии офицер Жибер! Мы прибыли по вызову соседей, которые сообщили нам, что здесь скрывается опасный беглый преступник по имени Локс Эстан. Он устроил погром в госпитале. К несчастью, без жертв не обошлось. Нам также известно, что нарушитель сбежал с двумя заложниками. Если кого-то из вас зовут камрад Вега или камрад Аксель, прошу вас отозваться!

Мои коллеги-хилеры глядят на меня, и я впервые за день не нахожу, что сказать.

– Ах ты сволочь... – шипит Аксель и, продолжая бурлить меня взглядом, кричит, не поворачивая головы: – Да,

мы здесь! И Локс тоже!

– Хорошо, – отзывается голос из-за порта. – Вы не ранены? Что с Локсом?

– Пока ничего, – отвечает крат. – Но вам лучше добраться до него раньше меня, а то я за себя не ручаюсь!

– Вы можете открыть порт?

Аксель бросает в меня полный презрения взгляд и велит Веге следить за мной, а сам шагает к порту и, взявшись за массивный брус, начинает толкать его вверх. В это же время Вега, не говоря ни слова, подходит к одному из стоящих у стены баллонов с диоксидом углерода и, заставив меня приоткрыть рот от удивления, голыми руками поднимает один из них с пола. Акселю почти удаётся отодвинуть брус и освободить проход, когда тяжеленный баллон обрушивается на его череп. Вега, выбившись из сил, отступает на два шага назад, чуть не споткнувшись, но сохранив баланс благодаря моей своевременной поддержке. Аксель же медленно разворачивается на центум и восемьдесят градусов и всматривается в нас удивлёнными глазами, которые съезжаются к его переносице, как два синхрониста, после чего тяжёлое тело хилера-физиолога обмякает и с грохотом валится на пол.

– Спасибо, – хриплю я Веге и, подойдя к порту, активирую экран, подсоединённый к внешней камере порта. На нём всплывает усатая физиономия моего соседа камрада Милоша, за спиной которого копошится целая армия Глаз, втиснутых ИИТ в небольшой коридор минус первого уровня. Слов-

но жуки, они карабкаются друг другу на головы, тычут в чужие лица пятками и локтями, срываются, падают, а затем встают и снова начинают извиваться, стараясь протиснуться через плотную кучу друзей по несчастью, чтобы подобраться поближе к порту. Я поворачиваюсь к Вега и указываю на экран, выдавливая из себя одно лишь слово:

– Видишь?

Девушка неуверенно кивает.

– Камрады, ну что там с портом? – поторапливает Милош от лица несуществующего гвардейца.

Вега подходит ко мне и кладёт руки на мои щёки. На секунду мне кажется, что она собирается столкнуть мою голову с глухой стеной и расплющить её, как переспелый курбит, но вместо этого она впивается своими горячими влажными губами в мои. По моему телу пробегает будоражащий электрический разряд, и я чувствую, как прямо-таки заряжаюсь адреналином.

Мы целуемся, наверное, вечность, прежде чем Вега наконец отпускает меня, пронзает моё лицо ярко-розовыми зрачками и произносит тем самым, знакомым, ласковым, но в то же время решительным голосом:

– Говори, что нужно делать.

1. ХЭШ

Под потолком гостиной хлопают крылышками и резвятся три ярко-жёлтые канарейки. Если верить Мирее, она завела их, чтобы таким способом напоминать себе о жизни на поверхности. Сейчас никого уже не удивишь тем фактом, что ты не аполл, но живёшь в аполисе, ибо глобализация в конечном итоге взяла верх и смешала нас всех друг с другом своей могучей рукой, как разные ингредиенты в гигантской салатнице. И всё же на каком-то подсознательном уровне нас, эфинов, всё ещё тянет к просторным лугам и цветущим кустарникам, как и центумы эонов тому назад. Вспомнить хотя бы кабинет отца в Сенате с его виртуальным окном в мир живописных зелёных холмов или мои собственные ощущения, когда я волей случая очутился в лесу: страх страхом, но тот особенный травянистый запах и непередаваемая красота флоры надолго отпечатались в моей памяти – с жемчугом или без него.

Мы вчетвером – я, Юна, Локс и Мирея – сидим вокруг низкого кофейного столика на закруглённом белом диване, плавно перетекающем в настенный стеллаж для хранения декоративных безделушек и сверкающих статуэток-наград, который, в свою очередь, переплетается гляцевыми щупальцами со вторым уровнем убикора. По обе стороны от стеллажа дышат прохладой подсвеченные стеклидные панели, от-

деляющие нас от центумов тонн морской аквы снаружи. На столике лежит наша с Юной отработавшая своё маскировка: тюрбан с хиджабом, одолженные у Тинни, и смятые метаморфы, от которых мы избавились с особым наслаждением. Рядом с ними валяются опустошённые упаковки из-под кисло-сладкого удоны – моя первая нормальная еда за... уже не помню, сколько часов.

Мы с Юной (увидеть которую Локс никак не ожидал, и потому сначала даже принялся ощупывать её плечи и руки, словно не веря, что та настоящая) только что закончили свой рассказ о том, как мы повстречались на станции Гвардии, а после пережили обрушение шахты и вновь воссоединились в Церкви. Локс слушал внимательно, нахмутив брови и подперев стиснутые губы указательными пальцами, зато Мирея, узнав, что Юна – дочь основателя Церкви, вскочила с места и начала быстро шагать по комнате, приложив ладонь ко лбу. Стая жёлтых канареек, взбудоражившись, закружила вокруг неё, придав её красным волосам схожесть с костром, вспыхнувшим прямо на её голове.

Оказалось, что информация о существовании секретного сопротивления – и Юна об этом даже не подозревала – давно успела просочиться не только за пределы №11, но и нашего Патриума. Однако из-за невозможности свободно обмениваться данными мало кто мог представить себе, что в действительности оно из себя представляет и, главное, кто положил всему начало. По словам Миреи, ходили самые неверо-

ятные слухи, по смелости воображения намного превосходящие заурядную правду: от дрейфующей космической станции под предводительством живого мозга и до целого невидимого народа, скрывающегося в бункере близ ядра Арка. Единственным хоть сколько-нибудь реальным подтверждением того, что такая организация вообще существовала, был символ ромба, который передавался от одних людей другим в виде скрытых жестов или наспех нацарапанной на стене картинки, незаметных татуировок и той самой композиции, включённой Миреей в своё акробатическое шоу. Символ связывал их всех вместе и позволял паутине, когда-то возникшей из ничего в момент бегства профессора Готлиба из урба, разрастаться всё дальше и шире, внушая людям веру в то, что они не одиноки.

Стоит ли после этого говорить, какой стала реакция Мирей и Локса на известие об уничтожении Церкви и кончине профессора. Аполл уставился на нас шокированными глазами и ещё шесть с лишним минут не мог прийти в себя, так что Мирее пришлось экстренно бежать и готовить ему согревающий салгам, чтобы привести его в чувства. Заодно хозяйка принесла нам с Юной прунувый сок в металлическом кувшине, а сама от напитков отказалась, объяснив это своим особым рационом гимнастки.

Завершив рассказ нашей встречей с Миреей в амузале, мы взяли паузу, чтобы все могли как следует переварить услышанное. Чувствуя себя так, словно только что отыграл три

матча по Агилитрону подряд, я растёкся по дивану и принялся бестолково наблюдать, как хохлятся канарейки Мирей, хвастаясь своим ярким оперением друг перед другом.

Юна нарушила молчание первой: попросила Локса поведать нам, как он сам очутился здесь и что вообще с ним происходило всё это время, включая тот самый эпизод, где он с ободряющей улыбкой на лице передаёт мне в руки месячный запас смертельно опасного токсина. Тот, слегка смутившись, обратился к Мирее с просьбой, если её не затруднит, снабдить его ещё одной порцией салгама, а сам, набрав побольше эфира в лёгкие, приступил к пересказу своей хроники, которая, как это ни странно, оказалась насыщена безумными событиями не менее, чем наша. Повествуя об ужасающих событиях в госпитале, Локс так и не притронулся к своему дымящему на столе термостакану и едва успевал глотать эфир в перерывах между предложениями. Мы старались не мешать ему и не донимать лишними вопросами, хотя их у меня накопилось столько, что хилеру впору было устраивать пресс-конференцию со мной в качестве единственного интервьюера. Спустя час мы мало-помалу добрались то того момента, где Локс уговаривает свою коллегу (и по совместительству девушку) помочь ему избавиться от жемчуга.

– Веге удалось вытащить из меня эту дрянь, – продолжает он, не снижая темпа и гипнотизируя взглядом чёрных глаз струйку пара, поднимающегося над его салгамом. – Я предложил ей сделать то же самое – удалить жемчуг и бежать со

мной, – но она отказалась. Мне сложно её винить: при прочих равных условиях, в урбе ей грозила меньшая опасность, чем рядом со мной. В конце концов, я стал для ИИТ целью номер один. Или, по крайней мере, одной из... – Локс слабо улыбается, мельком глянув на Юну. – Итак, чтобы обезопасить себя, я попросил Вегу вставить в уши изолирующие пломбы и отвернуться, а сам переоделся и скрылся в люке в полу. – Внезапно он делает паузу и, многозначительно взглянув на нас двоих, задаёт свой первый за прошедший час вопрос: – Знаете ли вы, что такое подурбные реки?

Мы с Юной переглядываемся, и по её глазам я понимаю, что она, как и я, слышит это словосочетание впервые. Локс ёрзает на месте, устраиваясь поудобнее, и поясняет:

– Реки и ручьи протекают не только на поверхности, но и под зданиями урба. Есть несколько причин, по которым их заточили под терру, но это не главное. Важно то, что под убикором, где находится... или, что вероятнее, находилась моя лаборатория, протекает одна из таких скрытых рек. Уверен, ИИТ если и не был осведомлён об этом, то сейчас уж точно в курсе.

Он тянется к салгаму и, взяв стакан со стола худощавой рукой, отхлёбывает из него немного. Причмокнув тонкими губами, он задумывается, а затем продолжает:

– Я стоял глубоко под террой, у самого края шумящей реки и думал о том, что делать дальше. У меня был только один выход: довериться реке и позволить ей унести меня подаль-

ше от N11.

Я подаю голос, сжимая обеими руками холодную поверхность своего давно опустевшего стакана:

– То есть как это – «довериться»?

– Я нырнул, – спокойно отвечает он. – Нырнул и доплыл сюда.

В комнате повисает тишина.

Локс разглядывает нас так, как будто ожидает нашей реакции, готовясь взорваться хохотом и объявить, что он пошутил, а мы, разумеется, наивно ему поверили.

Но никакого разоблачения не следует.

– Вы добрались из одного Патриума в другой... *вплывь?* Без какого-либо транспорта? – Я тщательно прожёвываю каждое слово, продолжая надеяться, что всё же упустил какую-то важную деталь, которая сможет заставить это предложение звучать хоть немного более правдоподобно.

– Именно, – кивает хилер. – Но не спешите удивляться – не будем забывать, что я всё-таки аполл. Дышать мы можем и под аквой, от жажды в реке тоже не умрёшь. Ну а со скоростью мне помог мой друг гигантский кальмар.

Моргнув глазами, я настороженно поглядываю на его стакан, прикидывая, не могла ли Мирея случайно или намеренно подлить в его напиток чего-то сильнодействующего. Чего-то, нарушающего чистоту мышления. А, может, это новость о смерти давнего друга так повлияла на него и вмиг помутнила его рассудок? Внешне, однако, Локс, насколько я

могу судить, выглядит вполне адекватным, и потому мне не совсем понятно, почему он продолжает нести эту околесицу.

– Я с вами, ребята, – бросает Мирея нам с Юной, заметив наши озадаченные лица. – Когда я впервые всё это услышала, тоже решила, что ваш друг не в себе.

Локс пожимает плечами с видом невинного ребёнка.

– Гигантский кальмар? – переспрашивает его Юна.

Тот опять кивает и добавляет:

– А ещё угрёвые норы. – Немедленно осознав, что и здесь можно не рассчитывать на нашу осведомлённость, он поясняет: – Это что-то вроде кротовых нор, но такие, что могут возникнуть только в аквенной среде. Норы соединены друг с другом своеобразными туннелями, пространство в которых сильно искривлено из-за особенностей подаквненного давления в определённых местах. Грубо говоря, вы ныряете в такую нору в одном месте, а через секунду выныриваете с другой стороны за многие километры от него.

Я чувствую, как моя голова, освобождённая от тюрбана, начинает разбухать от заполняющей её, как аква резиновый шарик, информации. Юна же, немного подумав, отмечает:

– Мы плыли сюда несколько часов и по пути ни разу не видели никаких нор.

– Так ведь они не просто так зовутся угрёвыми, а не китовыми, – улыбается Локс. – Они довольно узкие, так что даже мне пришлось постараться, чтобы найти их и протиснуться внутрь. А я не самый пышный парень, как вы могли

заметить.

– Я бы даже сказала, болезненно тощий, – встречается Мирея со своего места и, наклонившись ближе к Юне, шепчет: – Я откармливаю его уже несколько дней, но пока, как видишь, без особого успеха.

Юна в ответ на это издаёт приглушённый хрюк носом и тут же виновато озирается на хилера, который, в свою очередь, посылает Мирее натянутую, нарочито фальшивую улыбку. Мне кажется, или эти двое не теряли времени, пока мы с Юной бороздили глубины рек и океанов в недрах такси-ската? Впрочем, какое моё дело...

Я возвращаюсь к теме:

– Вы уже знали, куда собираетесь плыть?

– Есть лишь одно место, которое я знал лучше, чем N11. Этот аполис. Мой родной дом.

– Вы родом из... – Я запинаюсь. – А как, кстати, он называется?

– А7. Именно сюда я сбежал эоны тому назад, скрываясь от ИИТ после инцидента в инкубаторе. Не думал, что придётся провернуть то же самое сорок семь эонов спустя. По всей видимости, это был лишь вопрос времени...

– А что заставило вас вернуться в N11 после первого бегства?

Юна перебивает меня и, не дав Локсу ответить, говорит:

– Доктор Локс, Вы сказали, что ИИТ догадался о существовании реки под Вашим убикором. И у него наверня-

ка есть вся ваша хроника прежних передвижений по Арку. Учитывая это, разве безопасно было являться сюда?

Я смеряю девушку возмущённым взглядом: вопрос резонный, но разве нельзя было дождаться своей очереди? Юна игнорирует, уставившись на хилера сосредоточенным взглядом.

– Нет. – По серому лбу аполла пробегает тёмная морщина. – Совсем небезопасно. Более того, после вашего рассказа об этих... клешнях, я почти уверен, что видел именно их световые сканеры со дна реки. Готов поспорить, ИИТ послал их вдогонку за мной. Так что я действительно крупно рисковал, направляясь сюда. Но раз уж я сижу здесь с вами, целый и невредимый, остается предположить, что его поисковая миссия провалилась. Ну а наша, напротив, увенчалась успехом. Как минимум, *пока*.

– Но как Вы поняли, в каком направлении нужно плыть? – встречаю я, пока Юна не успела опять заткнуть мне рот. – Только не говорите, что кальмар подсказал дорогу.

– Почти. – Видно, что Локса позабавила моя робкая попытка подшутить над ним. – Только не кальмар, а кораллы.

– Кораллы?

– Они самые. – Не стесняясь громко хлопать, он отпивает ещё немного салгама, который не перестает дымить в его руках. – Речные кораллы – удивительные организмы. Вы знали, что они пожизненно сохраняют связь с представителями своего вида по всей планете, как бы далеко те ни находи-

лись? В каком-то смысле они сумели создать свою собственную, причём безупречную, сеть задолго до появления Улья. Они чувствуют друг друга на расстоянии и могут «переговариваться», хотя ни рта, ни даже мозгов у них нет.

В какой-то момент мне начинает казаться, что я очутился в Ювенисе на лекции по речным экосистемам. Локс, по-видимому, уловив моё настроение, сворачивает с дороги хвалебных од кораллам и переходит к сути:

– Мало кому известно, что способности аполлов сводятся не только лишь к умению искусно плавать. Для нас весь подаквенный мир – отдельная вселенная, со своими законами и, главное, возможностями, к которым мы приноровились за центумы эонов жизни на Арке. Сейчас, конечно, этим никто уже не пользуется, как когда-то люди забросили телефоны и клавиатуры, а потому и сами аполлы не всегда имеют представление о своей особой связи с кораллами. Суть в том, что если аполл коснётся коралла с чётко сформулированной мыслью в голове – коралл «услышит» её. Так я и поступил. Сообщим кораллам, что мне нужно добраться в безопасное место, далеко от урба, но туда, где я мог бы встретить других людей, чтобы они помогли мне. Конечно, даже не осознавая этого, я думал об А7. И кораллы ответили. Те из них, что росли в нужном направлении, подсвечивались и буквально указывали мне дорогу, как сигнальные знаки.

Выходит, кораллы успели спасти жизнь даже не одному, а двоим, сидящим в этой комнате. Арк не перестаёт удивлять.

– И сколько времени Вы плыли? – интересуется Юна.

– Ровно восемь суток и два часа.

Мои глаза округляются. Можно без сомнения заключить, что аполл установил мировой рекорд по самому длительному заплыву без использования внешних устройств. Жаль только, что в нашем положении этим достижением особо ни с кем не поделишься.

– А когда Вы прибыли сюда, в аполис, – разве Вас не заметили другие? В смысле, я знаю, мы под аквой и всё такое, но всё же люди здесь не плавают, как рыбы, и Вы могли привлечь много лишнего внимания. Или?..

– Нет, ты абсолютно прав, – говорит Локс, отмахиваясь от одной особенно назойливой канарейки, которой он явно приглянулся. – В аполисах люди действительно не выходят в открытую акву, по крайней мере, без специальных костюмов. Поэтому, прибыв сюда, я скрывался в акварослях до тех пор, пока не дождался проплывающего мимо ската. Я ухватился за его хвост и пристроился сбоку, и таким вот образом добрался до парк-пэда, ну а оттуда уже ушёл на своих двоих.

Спокойствие на лице хилера никак не вяжется с безумием описываемых им событий.

– И куда Вы направились дальше? – спрашивает Юна.

– Туда, где было проще смешаться с толпой. Я не большой любитель амузалов, но пришлось сделать исключение. Там-то я и нашёл Мирею. Увидел этот ромб во время её шоу и решил подойти к ней. Узнать, что он значит. И не прогадал.

– А ты не боишься вот так открыто продемонстрировать символ сопротивления? – обращаюсь я к красноволосяй эфинке, которая успела забраться на диван с ногами и выставить раскрытую ладонь, на которую присела и принялась чистить пёрышки маленькая канарейка. Отвечая, Мирея не отрывая от неё глаз:

– Когда-то давно я приняла решение переехать сюда и жить под аквой, чтобы доказать всем – да и самой себе, в первую очередь, – что могу удивить этих морских снобов. – Она непринуждённо машет второй рукой в сторону Локса, которого, кажется, её слова совсем не задели. – Говорят, лишь аполлы одарены талантом творить настоящее искусство. Сочинять музыку, писать картины, выступать на сцене... Остальным это якобы не дано. Я захотела доказать обратное.

– И у тебя это получилось, – замечает Локс, и мне кажется, что я могу разглядеть едва заметный румянец на щеках девушки-гимнастки. Юна – железная леди и неубиваемый солдат – впивается в этих двоих немигающим сапфировым взглядом, как будто боится пропустить даже самый незначительный момент какого-то слезливого любовного сериала для девочек-подростков. Меня обуревают нестерпимый порыв немедленно отрастить колючую бороду и заняться починкой забаровской «Малышки» голыми руками, но в то же время я с обречением признаю тот факт, что ни того, ни, тем более, другого мне, увы, не дано.

Мирея, скромно кашлянув, продолжает:

– Но что толку от моих цирковых трюков, если я не могу принести людям пользу в то время, когда это особенно нужно? Сейчас не время молчать и отсиживаться. Конечно, я не в восторге от всех этих беспорядков, тем более что ИИТ вряд ли прислушается к доводам беснующейся толпы, а задавить его силой – задача, мягко говоря, невыполнимая. Но потому я и поверила доктору Локсу и согласилась помочь ему. Особенно после того, как узнала, кто он такой на самом деле.

Она делает паузу, во время которой затихают даже её канарейки.

– Мой брат-близнец, Дионис, умер от той же самой болезни, что унесла жизнь твоей мамы. – Она смотрит на Юну бирюзовыми глазами, которые в этот момент слегка тускнеют. – Он был совсем юным, подростком, не старше вас обоих. Я не могла поверить, что хилеры оказались неспособны спасти его, и ещё более удивительным было то, что я не смогла найти никакой информации о подобных случаях. Я почти смирилась с тем, что это несчастье коснулась лишь меня одну на всём Арке. Но потом до нас начали доходить слухи о том, что это происходит повсеместно и что это вовсе не болезнь, а... сами знаете что. Такие сообщения часто сопровождались одним знаком – фигурой ромба. Тогда-то я и включила его в своё шоу, чтобы те, кому известно о сопротивлении, увидели это и поняли, что я с ними. Но я не могла рассчитывать на то, что своим выступлением привлеку

внимание того, кто первым раскрыл заговор ИИТ. – Она мечет взгляд в сторону Локса, притихшего на противоположной стороне дивана. – Доктор Локс подкараулил меня после шоу, а потом долго пытался убедить, что он не сумасшедший.

На её алые губы возвращается улыбка, и даже в самой комнате становится как будто чуточку теплее.

– Если бы она мне не поверила, – произносит Локс, – то вас двоих здесь бы не было. Ведь это Мирея связалась с Вегой, чтобы та поместила в медробота карту для тебя, Тоа. А ещё она сняла со ската программный ограничитель и указала ему новые координаты маршрута.

– Но как? – удивляюсь я.

Локс мягко улыбается:

– Я так понимаю, Юна уже рассказала тебе про Лакуну?

Так вот оно что!

Локс научил Мирею входить в Лакуну, и та проложила нам с Юной самый безопасный из возможных путь до аполиса. Сложно не восхититься этой хрупкой на вид, но такой предприимчивой и смелой девушкой, которая к тому же без труда сводит с ума целые толпы своими выступлениями. Меня-то уж точно. Да и Юна, судя по её взгляду, кажется, уже успела обрести себе нового кумира в лице красноволосой акробатки, которую ещё сегодня утром воспринимала исключительно в штыки. Может, в матери ей Мирея и не годится (сколько бы эонов ей не было, выглядит она ни на день

не старше восьмидесяти), но за старшую сестру Юны вполне могла бы сойти.

– Использовать Эви для контакта с Тоа – просто гениально, – хвалит она Локса, прерывая мои размышления. – Но как Вы поняли, что он вернётся в госпиталь?

– А что ему оставалось после того, что я натворил? – лицо Локса мрачнеет, пока он всматривается в меня своими большими чёрными зрачками. – Прости, Тоа. Я совершил огромную ошибку.

– Бросьте. – Я чувствую наплыв неловкости, пытаюсь утешить взрослого аполла, гораздо более умного и опытного, нежели я сам. – Ведь вас обманули. *Он* обманул. А уж это он умеет делать, сами знаете.

– Доктор Локс, – обращается к нему Юна, выпрямив спину и присев на самый край дивана, – мой отец хотел, чтобы Тоа нашёл Вас. Он думал, что Вы сможете рассказать больше о... связи Тоа и ИИТ. Что эти знания помогут нам победить его.

Локс осушает свой стакан и ставит его на стол. На краешек сосуда мигом садится облюбовавшая хилера канарейка, которая начинает звонко щебетать, прыгая с одной стороны стакана на другую. Аполл какое-то время наблюдает за птичкой, после чего сообщает:

– У меня есть кое-какие предположения на этот счёт, но без должной диагностики они так и останутся не более чем догадками. Истинное положение вещей известно лишь ИИТ,

ведь это он скрыл от меня настоящие показания, считанные НИМБом с мозга Тоа. Так что, чтобы найти ответ на вопрос, который без сомнения волнует нас всех, мне в первую очередь понадобится полный доступ к подробному анализу церебральной деятельности Тоа. Но на этот раз – реальный.

– Где же мы его возьмём? – спрашиваю я, неожиданно и впервые за всё время чётко осознав, что все наши старания могут в итоге пойти прахом и что день, когда мы одержим над ИИТ верх, в реальности может так никогда и не наступить. – Мы же не можем как ни в чём не бывало пойти в местный госпиталь, чтобы снова засунуть мою голову в НИМБ! В последний раз, когда мы с Юной попытались повернуть нечто подобное, клешни ИИТ чуть не обратили нас в пепел, а сейчас он наверняка втрое усилил охрану в таких местах.

– С этим не поспоришь, – соглашается Локс. – Но идти в госпиталь нам не обязательно. Ведь у нас есть *свой* НИМБ.

Сказав это, он сверкает глазами-пропастями в сторону Юны, которая заметно напрягается от такого внезапного внимания к себе. Тишину, образовавшуюся в комнате, нарушают лишь ни о чём не догадывающиеся птички Мирей, продолжающие беззаботно порхать в пустом пространстве между нами.

***

– Юна, можешь поподробнее рассказать, как вы с Тоа

взломали тот замок на входе в шахту?

Девушка неуверенно оглядывается на меня:

– Ну-у, это оказалась не так уж и сложно. Я всего лишь коснулась протезами замочной панели и увидела перед глазами что-то вроде матрицы с кучей случайных чисел. Но они быстро упорядочились, и тогда я стала мысленно подбирать цифры одну за другой и считывать скачки напряжения в зависимости от изменения комбинации. Тоа научил меня этому. Ещё пришлось считать в уме секунды, потому что каждая новая комбинация...

– Хорошо, хорошо. – Локс машет ладонью. – Можешь не продолжать.

Он выглядит так, будто сам только что взломал самый сложный шифр – уставшим и восторженным одновременно, – в то время как нам остаётся лишь теряться в догадках, что именно в этой хронике так его заинтересовало.

– Доктор Локс, – осторожно начинаю я, – какая связь между тем замком и моим мозгом?

– Самая наипрямейшая, – улыбается он. – Видишь ли, когда профессор Готлиб конструировал протезы Юны, я дал ему некоторые рекомендации касательно тех полезных функций, которыми мы могли бы снабдить их, не угнетая при этом нервную систему носителя. Как ни странно, телекинез оказался самым простым в этом списке. Но затем мне пришла в голову идея позаимствовать некоторые свойства НИМБа, с которым я проработал бок о бок десятки эонов

подряд. Можно сказать, аппарат вдохновил меня сотворить нечто по его подобию. Одним из таких свойств стало умение Юны временно деактивировать жемчуг, что, насколько я могу судить по вашему рассказу, вам несомненно пригодилось. Ну а другое... – Не в силах удержаться на месте, Локс встаёт с дивана и начинает маячить перед нашими взорами, активно размахивая руками. – Понимаете, ведь НИМБ по сути – это очень сложный сканер. Но упрости его раз в десять – и получишь ничто иное, как те самые деки, с помощью которых вы, хакеры, взламываете коды и файерволы. Принцип такой же: проникнуть внутрь и увидеть всё, что скрыто.

Я не привык слышать, как кто-то вслух расписывает моё не такое уж невинное прошлое. С другой стороны, не сам ли Локс когда-то обманул систему доступа в инкубатор в попытке выведать о тайных злодеяниях ИИТ? Если на то пошло, он мог бы преподать мне пару уроков в этом деле. Так что думаю, после такого ни один из нас не в праве укорять в чём-либо другого, чего он, собственно, и не делает, охваченный приступом внезапного энтузиазма и не замечающий ничего вокруг (включая канарейку, пару раз присевшую ему прямо на блестящую лысину).

– Но ведь то был обычный кодовый замок, а здесь... живой человеческий мозг, – пытается возразить Юна.

– А ты когда-нибудь слышала выражение: «Мозг человека – это самый мощный компьютер»? – Локс буквально подскакивает на носочках от радости; сразу видно, что ему только

дай волю лишний раз побыть хилером и прочитать кому-нибудь лекцию о мозгах да о нервах. – Я лично с ним не совсем согласен, ведь давно уже доказано, что количество операций, выполняемых мозгом за одну секунду...

Мирея врывается в неудержимый поток его словоизлияний громким, даже немного агрессивным, кашлем. Локс замирает, как каттус, отвлёкшийся на пролетающее мимо насекомое, а затем поспешно говорит:

– В общем, я хочу сказать, что мозг и компьютер – вещи не такие уж и разные. И если ты, – он снова смотрит на Юну, – смогла увидеть внутренности замка, то есть большая вероятность, что сможешь провернуть подобное и с мозгом Тоа.

Локс выдыхает и выжидающе пепелит нас угольно-чёрным взглядом.

– А это безопасно? – слабо звучит из моих губ.

– А? – рассеяно отзывается хилер, словно он на секунду забыл о самом существовании такого понятия, как «безопасность». – Э-э... Само сканирование безвредно, если не превышать допустимого уровня выделения энергии протезами. Но для этого нервная система Юны должна быть сильно перевозбуждена, что вряд ли случится в данных условиях. Но есть другой нюанс...

Он шагает обратно к дивану, садится на него, и азарт минутной давности растворяется в изгибах его лица.

– Твой инкогнитор может создать помехи при считывании сигнатуры. Поэтому его придётся снять.

– Снять?! – От моего возгласа птички Мирей взмывают под потолок и начинают неистово трепетать крыльями. – Но ведь это всё равно что разместить над этим убикором огромную мигающую вывеску с моим именем и стрелкой вниз!

– Я знаю, Тоа, знаю. – Локс делает успокаивающее движение ладонями, которое меня несколько не успокаивает. – Именно поэтому Юне придётся применить всё своё мастерство владения протезами и временно ограничить поле действия жемчуга областью твоей головы. Вручную.

Даже Мирея, которую наш мозговой штурм касается лишь косвенно, утыкается бирюзовыми глазами в хилера с таким видом, как будто тот только что предложил нам всем взяться за руки и дружно спрыгнуть с утёса.

– Доктор Локс, – обращается к нему Юна, которая сидела довольно тихо последние минуты, и лишь сейчас, похоже, решила, что молчать уже невозможно. – А что, если я просто коротну его, как тогда, на пиродактиле?

Вспомнив адскую боль после лёгкого касания моего лба рукой Юны, я хочу запротестовать, но вовремя понимаю, что её предложение, при всём своём потенциальном кошмаре для меня, по крайней мере гарантирует нам полную защиту от всевидящего ока ИИТ.

– Нельзя, – качает серой головой Локс. – Такое воздействие на мозг тем более нарушит все нормальные процессы в нём. Вместо сигнатуры мы получим бессвязный набор каракулей. Нет, единственный способ – это сохранить обычную

работоспособность мозга, но не допустить утечки сигнала из жемчуга во внешнюю среду.

– Так уж ли нам необходимо заглядывать ко мне в голову? – интересуюсь я, прекрасно осознавая тщетность своей последней попытки прекратить это ужасное обсуждение способов стереть в пыль мой и без того успевший настрадаться мозг. – Вы ведь уже смогли один раз обвести ИИТ вокруг пальца. Может, попробуете ещё раз и убедите его оставить нас всех в покое, или типа того...

– Правильно, Тоа, позитивный настрой – залог успеха! – одобряет Локс без нотки сочувствия в голосе. – Юна, если ты готова – можем приступать. Не беспокойся, я буду рядом и подскажу, что делать.

Кажется, сопротивление бесполезно.

Пока Мирея прячет канареек в клетку, чтобы те не мешали процессу (они моментально ей повинуются и залетают внутрь, так что ей даже не приходится их касаться), мы втроём перемещаемся в центр комнаты. Юна встаёт напротив меня, Локс – сбоку.

– Мирея, – обращается хилер к девушке, – нам понадобится что-нибудь, чем можно писать, а также ровная поверхность.

Эфинку эта просьба на время ставит в тупик. На Арке уже центумы эонов никто ничего не писал от руки, кроме, может быть, художников отдельных направлений. Все команды вводятся в Улей речью или ментально, хочешь ты узнать от-

вет на волнующий тебя вопрос или написать длиннющий роман, а потому и необходимости держать в убикорах перья и фломастеры у людей просто нет. В итоге Мирее приходится пожертвовать своей ярко-алой помадой, а роль письменной доски берёт на себя высокое вертикальное зеркало с подсвеченной нежно-голубым рамой.

– Вы выглядите превосходно! – льстит нам зеркало в руках устанавливающей его рядом с нами Мирее. Та немногословно велит устройству замолчать, а сама отходит на безопасное расстояние от нас троих – от греха подальше.

– Юна, когда я сниму инкогнитор с головы Тоа, ты должна быть готова блокировать сигнал. – С каждым словом голос Локса становится всё серьёзнее, и у меня создаётся впечатление, что он готовит Юну к полёту в космос, где ей предстоит в одиночку отбить атаку армии гигантских астероидов, не меньше. – Это похоже на деактивацию жемчуга, только тебе придётся удерживать свою силу на том уровне, который не вырубит его полностью. И удерживать столько, сколько потребуется. Одновременно с этим ты должна настроиться на приём церебральной сигнатуры. Так как у тебя уже есть опыт входа в программу, все шаги должны быть тебе знакомы. Это не сложнее, чем внедриться в зашифрованный замок шахты. Оказавшись в нейрпространстве, ищи последовательности символов и графики. Тебе не нужно понимать, что они значат. Главное, постарайся их обнаружить и отделить друг от друга. Всё, что увидишь, записывай сюда. – Он

указывает глазами на светящееся зеркало и кладёт ей в руку обнажённый стержень помады.

– Доктор Локс... – тихо произношу я, внезапно почувствовав странную слабость в ногах. – Мне что-то нехорошо...

Вдобавок к этому, я скольжу взглядом по своему отражению в стоящем сбоку зеркале и вижу знакомое лицо, но с совершенно новой для него расцветкой, придающей ему сходство с белонивым диваном, на котором ещё каких-то полчаса назад мы вчетвером наслаждались удоном и захватывающими байками об удивительных подаквенных приключениях...

– Всё в порядке, Тоа, ты просто перенервничал, – успокаивает меня хилер. – Уверяю, если что-то пойдёт не так, я прекращу всё раньше, чем твой мозг успеет превратиться в кусок дымящегося желе.

– Это обнадёживает, – прохрипываю я.

– Попробуй расслабиться. Чрезмерный стресс может навредить чистоте исследования.

– Ещё один повод начать нервни...

Мою левую щёку обжигает нечто стремительное и хлёсткое. Приложив к ней руку, я с изумлением смотрю на Юну, которая отступает на шаг назад, убирая со своего лица упавшую на него перламутровую прядь волос и принимая стойку готовности.

– Ты... *ударил* меня?

– Только шлёпнула, – со знакомой раздражающей беспеч-

ностью говорит она. – Прости, но нам нужно начинать. Тебе ведь лучше?

Я не могу поверить в её наглость. А Локс, кажется, вовсе не спешит меня защищать:

– Не тот способ, к которому прибег бы я, но цвет лица к тебе действительно вернулся, – задумчиво произносит он, изучив меня взглядом и жестом предлагая взглянуть на самого себя в зеркале.

Он прав. И она права. Но никто из них об этом не узнает. Ноги снова стоят крепко и не дрожат. Коротким кивком я даю согласие на начало экзекуции.

Юна кладёт свою левую руку мне на лоб, мгновенно охладив разгорячённую кожу ледяными протезами. Локс хватается тонкими пальцами за зеркальную линзу инкогнатора на моей голове и произносит:

– Итак, по моей команде, на счёт три. Готовы? Раз... два...
Три.

Я зажмуриваюсь, готовясь принять уже знакомую дозу нестерпимой боли, но вместо неё ощущаю... ровным счётом ничего. Осторожно приоткрываю один глаз, чтобы убедиться, что мой мозг всё ещё ютится в черепной коробке, а не растекается ошмётками по стенам гостиной Мирей. Вытянутая рука Юны, сияющее куском льда зеркало, сосредоточенный Локс, зажавший в кулаке мой инкогнатор.

Ошмётков не видно.

– Ну как, держишь? – спрашивает аполл Юну слегка дро-

жащим голосом.

– Да... – Её лицо напряжено, а глаза выжигают пол между нами. – Сейчас буду смотреть...

Несколько секунд протекают без видимых изменений. Никто из нас не издаёт ни звука, и со стороны может показаться, что трио эксцентричных артистов вторглось в чей-то убикор и устроило принудительный перформанс, смысл которого даже им самим не до конца понятен.

– Видишь что-нибудь? – тревожится Локс.

Юна молчит. А потом стиснутая в её пальцах помада начинает медленно скользить по гладкой поверхности зеркала. Поначалу кажется, что она просто бесцельно водит ей по стеклиду, вырисовывая лишённые смысла картинки, но постепенно я начинаю различать своеобразные иероглифы, а также отдельные цифры и линии целых графиков. Её рука ускоряется, и через минуту помада уже носится по зеркалу, как спортсмен-конькобежец. Локс едва сдерживает выпирающее из него ликование и даже по-дружески сжимает моё плечо, как бы говоря мне этим: «Так держать!», хотя как раз таки от меня в этой ситуации зависит не так уж и много.

Мой мозг оказывается щедр на гуляющие по нему данные, потому что, как бы Юна ни мельчила, свободное место на зеркале начинает неуклонно сокращаться. Тогда Локс жестом подзывает Мирею, и они вдвоём хватаются за раму зеркала и тянут его наверх, чтобы рука Юны не начала плясать по уже исписанной поверхности. Здесь как нельзя кста-

ти пришёлся бы домашний робот, но Мирея отключила его ещё в день знакомства с Локсом, так что сейчас им приходится отдуваться вдвоём, прикладывая всю свою ограниченную человеческую силу, чтобы не дать зеркалу рухнуть и похоронить под осколками всё, ради чего данное мероприятие затевалось.

Через несколько минут пальцы Юны замедляются и выводят красной помадой последнюю закорючку.

– Доктор Локс, я отпускаю, – слабо выговаривает она.

– Понял, – реагирует он и, подойдя ко мне, прислоняет инкогнитор обратно к моей голове. – Блокирую сигнал.

Линза-пиявка крепко присасывается к волосам. Жемчуг под надёжным колпаком блокировщика.

Объём сжаренных мозгов – ноль.

Юна опускает уставшую руку и начинает потирать её второй. Доктор Локс рекомендует ей присесть, но та отказывается и требует немедленно приступить к анализу добытых ею данных. Мирея вызывается обеспечить нас троих очередной партией согревающего салгама, пока Локс вглядывается в красные рукописи, ни один элемент которых даже не претендует быть понятым мной и кем-либо ещё, кроме самого хилера. Всё это время он хранит мучительное молчание, и даже по его лицу сложно понять, удалось ли Юне достать нечто ценное или же всё было напрасно.

Впитав всю информацию с зеркала, аполл отрывает от него взгляд и отходит в сторону, повернувшись к нам спи-

ной. Он замирает в такой позе, заставив нас с Юной непонимающе переглядеться.

Я решаю разрядить обстановку – как умею:

– Всё плохо? Сколько мне осталось?

Хилер разворачивается. Он открывает рот и, пока говорит, его смолянистый взгляд не перестаёт метаться между мной, Юной и сияющим зеркалом с иероглифами:

– Все эти зоны я мучился вопросом, зачем ИИТ отравляет токсином эмбрионы в инкубаторе. Почему одних он обрекает на затяжную болезнь и неизбежную смерть, но не трогает остальных? Теперь я знаю ответ. Видите эти пики? – Локс тычет пальцем в заострения на одном из графиков. – Это – церебральные ритмы. Такие частоты колебаний нетипичны для человеческого мозга. Тоа, твой мозг, как бы сказать... настроен на частоту, внутри которой функционирует ИИТ. В отличие от большинства, твоя связь с ИИТ работает не однонаправленно. Он может входить в твоё сознание, как в случае со всеми нами, но, в отличие от нас, ты можешь беспрепятственно входить в его.

Со стороны кухни, совмещённой с гостиной, доносится звук обронённого стакана с жидкостью.

– Упс! – следует за звоном голос Миреи. – Не обращайтесь внимания! Обычно этим занимается Викки...

Викки – отключённый робот Миреи. Девушка принимается устранять беспорядок, а наши с Юной взоры снова упираются в хилера.

– Доктор Локс, – обращаюсь я к нему, пытаюсь мысленно заставить свои виски пульсировать не так активно, – ведь Вы диагностировали меня с самого детства. Если мой мозг такой особенный, значит ИИТ подменял результаты сканирования каждый раз?

– Не думаю, – качает головой Локс. – Если бы твой мозг демонстрировал ту же биоэлектрическую активность, что и сегодня, наверняка он попытался бы всучить тебе облиморфин гораздо раньше. К чему подвергать себя риску и ждать сорок семь эонов? Нет, я склоняюсь к тому, что все твои предыдущие сигнатуры отражали реальное состояние твоего мозга. То есть, всё это время его ничего не отличало от мозгов... э-э... нормальных людей. Полагаю, случившееся в инкубаторе стало тому причиной. Моё лекарство отразило атаку токсина, но взаимодействие двух веществ внутри развивающегося плода, вероятно, привело к откату твоих церебральных процессов к тем, что заложены стандартным генетическим кодом. Перед этим, правда, как следует встряхнув самого ИИТ. Иначе я просто не смог бы оттуда сбежать. Однако всё изменилось после...

– Экскурсии в Сенат.

– Точно, – аполл «стреляет» в меня указательным пальцем. – Грубо говоря, твой мозг все эти эоны пребывал в анабиозе, который был прерван твоим непосредственным контактом с ИИТ в Гиперсфере. Сам того не желая, он вернул тебе ту способность, которую изначально хотел отнять.

– И теперь решил закончить начатое... – шепчу я.

Локс с сочувствием смотрит на меня.

– Доктор Локс, – начинает Юна и делает паузу. Подумав о чём-то, она произносит: – Моя мама...

– Погибла по той же причине, – хмуро говорит он. – Тоа не уникален, в этом-то вся и суть. Вот что так пугает ИИТ. Поэтому он и придумал эту схему, чтобы избавить себя от угрозы собственному существованию и при этом вызвать минимум подозрений. Токсин медленно отравляет организм и разрушает мозг человека нейрон за нейроном, пока жертва не достигает определённого возраста и не умирает. Смерть взрослого обыграть гораздо проще, нежели эмбриона, выращенного в идеальных условиях. Что же ИИТ за правитель, если в его собственных инкубаторах гибнут дети? А даже если и попытаться скрыть это ото всех – от тел ещё нужно избавиться, а это отдельная задача. Другое дело – «загадочная» болезнь. Эволюция вечно придумывает новые вирусы и болезни. Люди так или иначе одержали победу над всеми. Так почему бы хотя бы одной из них не стать «неизлечимой»? Малая цена за идеальный во всех остальных отношениях мир.

Последние слова хилера звучат как мрачный приговор.

– Но ведь Вы уже нашли лекарство, – говорю я, не желая мириться с суровой реальностью. – Вы сможете спасти кучу жизней!

– Хотел бы я, чтобы всё было так просто. – Локс, печально

улыбнувшись, опускает голову, и мне кажется, что чёрный серпент на ней слегка шевельнулся, как живой. – Даже если бы я снова нашёл Синий цветок для лекарства, что само по себе задача весьма сложная, как бы я смог применить его, не выдав себя? ИИТ больше этого не допустит.

Слабое воспоминание переливающимся звоном всплывает в моём сознании. Сначала оно размыто, и я даже близко не могу определить, о чём оно может быть, но затем картинка проясняется. Я вижу чёрные силуэты деревьев. Лес... Ночь... Заросли кустов, посреди которых сияет неестественно ярким для этого времени суток ультрамарином одинокий пышный бутон, над золотым диском которого витает облачко блестящей пылицы, напоминающей далёкую галактику...

– А как выглядел этот цветок? – спрашиваю я.

Локса мой неожиданный вопрос не смущает. Описание, данное хилером, до мелочей совпадает с найденным мной посреди леса цветком. Я говорю ему об этом.

– Невероятно, – выговаривает аполл, находясь под явным впечатлением от услышанного. – Знаешь, что отличает Синий цветок от любого другого растения на Арке? Его бутоны распускаются лишь раз в десятиэон. И даже тогда найти его – большая удача. Поверь, я пытался. Удивительно, что мне вообще посчастливилось его обнаружить тогда. И вот теперь ты говоришь мне, что случайно наткнулся на тот самый цветок, который в далёком прошлом буквально спас тебе жизнь!

– Но почему ИИТ настолько боится таких, как я и мама

Юны, что готов убивать нас? – говорю я с ноткой отчаяния в голосе. – Я смог пролезть к нему в мозги только лишь потому, что он в прямом смысле сам меня туда пригласил. Без проводного передатчика мне бы вообще это не удалось!

– Верно. – Локс принимается по новой мерить гостиную широкими шагами. – Но так было раньше. Если верить этой церебральной сигнатуре, твоя сила увеличивается, Тоа. Тебе не только не нужен более передатчик. ИИТ даже не обязательно находиться в твоей голове, чтобы ты смог войти в него. Стоит ему лишь приблизиться к тебе на достаточное расстояние...

– А как же тогда, в лесу? – перебиваю я. – Если бы Аарон не нашёл меня вовремя, ИИТ прикончил бы меня. Он пролез ко мне в мозг, а я ничего не мог сделать, не мог сопротивляться...

– Только потому, что на тот момент облиморфин, то есть токсин, уже сделал своё дело и существенно ослабил твой мозг. Но тебе крупно повезло, что ты потерял препарат в реке. Сохрани ты его и продолжи принимать – тебя бы, вероятнее всего, уже не было в живых... Взгляни сюда!

Локс обращает моё внимание на ряд иероглифов, каждый – с цепочкой из точек, взбирающихся наверх. Все цепочки разной длины и заканчиваются небольшими окружностями.

– Что это?

– Твоя резистограмма. Эти символы указывают на уровень инвазивной функции твоего мозга. А она, судя по гра-

фику, полностью восстановлена. Проще говоря, ты снова опасен для ИИТ.

– Значит, инкогнитор можно снять?

– Ни в коем случае! От атаки ИИТ ты будешь защищён, но он всё ещё сможет тебя отслеживать.

– Тогда какая от всего этого польза, если единственный способ достать его – ждать, пока он не явится сам? – спрашиваю я, вновь чувствуя нарастающее отчаяние.

Хилер расплывается в улыбке; в уголках его глаз выскакивают мелкие морщинки.

– Уже нет.

– То есть?

– Благодаря этому. – Он торжественно указывает на последовательность бессмысленных символов, начерченных на отражающей поверхности помадой Мирей, которая наконец принесла нам свежие стаканы с обжигающей жидкостью, несмотря на кухонный инцидент двумя минутами ранее. Сдувая губами застилающий обзор пар отпряного салгама в моих руках, я подбираюсь ближе к зеркалу и вглядываюсь в неразборчивую писанину Юны.

– Не может быть...

– Может, – сияет Локс.

– А нам не объясните, мальчишки? – встречается Мирея от лица женской половины коллектива.

– Это хэш, – говорю я им. Юна хлопает ресницами с видом куклы, которую пытается вывести на беседу человек с

излишне бурным воображением. Мирея же театрально вскидывает руками:

– Ах, ну раз хэш, тогда всё ясно!

Доктор Локс снова улыбается мне:

– Объяснишь?

– Хэш, – незамедлительно приступаю я, переводя взгляд с одной девушки на другую, – это функция особого математического алгоритма, цель которого – преобразовать некие входные данные в строку определённой длины, составленной из символов, вроде тех, что вы видите здесь. Этими данными может быть что угодно, от рецептов из поваренной книги до паролей к системе безопасности.

– Тоа-а-а... – стонет Юна, возведя глаза к потолку.

– Ладно-ладно, – уступаю я. – Это – шифр, за которым прячется пароль ко входу в ИИТ.

Молчание и слабый щебет канареек.

– И всё? – скептически бурчит Мирея. – Так просто?

– С чего ты взял, что там пароль, а не... сборник стихов, например? – спрашивает Юна.

– Потому что иначе Тоа не смог бы войти в ИИТ в Сенате, – разъясняет за меня доктор Локс. – Одной совпадающей частоты для входа недостаточно. Она лишь открывает прямой путь в систему, но, чтобы перебраться на другую сторону, необходим ключ. В Гиперсфере пароль сработал автоматически, так сказать, не спрашивая разрешения администратора – то есть Тоа. Он сам не знал, где находится этот пароль

и что он из себя представляет. Но, обладая им, Тоа при желании сможет проникнуть в ИИТ из любой точки мира. У нас будет возможность как следует подготовиться и нанести сокрушительный удар!

Мышцы в челюстях хилера сокращаются от распирающего его триумфа.

– Ты сам сказал, что это ещё не пароль, – не сдаётся Юна, глядя на строчку из символов. – Ты сможешь использовать его для входа?

– Для входа нужен сам код, а не его хэш, – отвечаю я, качая головой. – Но проблема в том, что хэширование работает только в одну сторону. То есть ты можешь преобразовать пароль в хэш, но не наоборот.

– Значит, всё пропало? – интересуется Мирея.

– Ещё нет, – констатирует Локс, опустошая свой стакан с салгамом одним могучим глотком. – Если хэш есть в радужных таблицах, вскрыть соответствующий ему пароль не проблема.

– Радужные?..

– Таблицы. Базы данных, – поясняет он.

– И ты это знаешь, потому что?..

– А как, по-твоему, я смог проникнуть в инкубатор?

Мирея не может скрыть восхищённого взгляда. Серые скулы Локса пропитываются слабым румянцем. При этом неловко становится почему-то мне.

Я спешу вернуть этих двоих обратно на терру:

– Я правильно понимаю, что одному из нас нужно будет...

– Войти в Лакуну? Да, – кивает Локс.

– Я готова. Говори, что делать, – вызывается Мирея.

– Уверена?

– А у вас есть другие кандидатуры? – говорит она, поведя рукой. – Ты без жемчуга, а ребятам нельзя светиться. Я – ваш единственный шанс.

– Доктор Локс, я могу... – встречаю я, но Локс прерывает:

– Нет-нет, Мирея права. Лучше всего пойти ей. Для входа в Лакуну тебе придётся снять инкогнитор, и тогда ИИТ может нас обнаружить. А про Мирею он не знает. Это самый безопасный вариант. К тому же она уже делала это, не так ли?

Трудно спорить с тем, что он говорит, как сильно бы мне ни хотелось взглянуть хоть одним глазком на хваленую Лакуну, о которой я столько слышал.

– Начнём? – поторапливает хилера Мирея.

– Да, хорошо. Итак, когда окажешься там...

Входной порт убикора распаивается так неожиданно, что я не сразу фиксирую взглядом толпу гвардейцев, ворвавшихся в гостиную. Секунда, и образ готов: девять бойцов, из них ни одного робота, только люди, каждый из которых вооружён – не фризерами, нет, – дубинками, один вид которых отбивает какое-либо желание контактировать с ними. Я мечу взгляд в остальных – на их лицах застыла та же гримаса шока, что и на моём.

Судя по моему прошлому опыту общения с гвардейцами, первое, что они должны сделать в такой ситуации, – объявить причину своего прибытия. Но не в этот раз. Более того, они не только не произносят ни слова, но и застывают в своих позах, словно персонажи синемакта, поставленного на паузу. А потом я слышу голос робота: из-за угла выплывает та самая Викки, «отключённая» Миреей несколько дней назад.

– Какая встреча, – произносит она, светя нам в лица оранжевым дисплеем. – Все в сборе. Признаюсь, мне немного обидно от того, что вы не удосужились пригласить меня на это мероприятие. А потому прошу простить моё внезапное вторжение.

Лицо Локса посерело ещё сильнее, чем прежде, словно кровь выкачали из его головы мощным насосом. Да и мне не нужно долго думать, чтобы понять, *кто* сейчас говорит с нами.

– Тоа... Локс... – смакует ИИТ наши имена. – Бегать за вами по всему Арку – одно удовольствие. Я давно так не развлекался. И всё же – делу время. Признайтесь, вы же не думали всерьёз, что я не смогу вас найти?

Никто из нас не находит, что ответить. Да и мозги у меня заняты совсем другой мыслью: он здесь. ИИТ сам пришёл ко мне, и если доктор Локс был прав, то всё, что мне остаётся сделать, – снять инкогнитор, и тогда он сам окажется в ловушке.

Как же он мог так просчитаться?

Моя рука только начинает медленно тянуться к зеркальной линзе над ухом, а затылок уже ощутил давление чего-то твёрдого и холодного. Я застываю, а Локс, глядя мне за спину, округляет чёрные глаза:

– Мирея...

– Прости, Локс, – доносится голос гимнастки сзади. Он звучит знакомо, но в то же время и как-то по-новому. – У меня не было выбора. Дионис жив. Он у *него*. Он обещал отпустить его в обмен на вас.

Локс дёргается в мою сторону, но Мирея осаждает его:

– Не надо, – цедит она сквозь зубы. – Стой на месте. Иначе я выстрелю.

Дуло оружия сильнее вдавливается в череп. Всё, что я вижу, – размытые силуэты гвардейцев и, как никогда чётко, – сапфировые глаза Юны, до краёв наполненные паникой.

2. ПОЕЗД

– Вот дилемма, – рассуждает «Викки». – Гвардейцы получили вызов на место сбора подпольной антиправительственной организации, готовящей теракт в центре аполиса. Стоит мне их активировать – и вы трое превратитесь в стопку отбивных, которых немедленно транспортируют на станцию Гвардии. Ну а там... Сейвер знает, на что они пойдут, чтобы выбить из вас признания. Мне этот вариант, как, уверен, и вам, совсем не по душе. Поэтому есть второй, куда более простой. Локс, ты здесь и сейчас дашь мне информацию, о который мы договаривались, или парня застрелят у тебя на глазах. Красотка пойдёт на всё ради своего брата, можешь не сомневаться.

Я не могу видеть лица Мирей, но при упоминании ИИТ её брата твёрдый ствол оружия у моего затылка слегка поддёргивается. Судорожно бегая взглядом по комнате, я улавливаю слабый серебряный блеск.

Ну конечно!

Мне повезло, что Юна смотрят прямо на меня, потому что так мне гораздо легче тыкнуть глазами в её телекинетические протезы и многозначительно вытаращиться на неё. Девушка улавливает намёк, но, к моей великой досаде, с сожалением смотрит в ответ и едва заметно качает головой. Всё ясно: погружение в мой мозг высосало из неё всю энергию, и

теперь она вряд ли сможет поднять в эфир не то что гвардейца, но и пёрышко одной из канареек предательницы Мирей.

Ну же, думай...

Перебирая в голове свой скудный боевой арсенал, я понимаю, что просто не успею воспользоваться висящей на поясе плазмодрелью с «волшебным» прицелом Готлиба: Мирей размозжит моё серое вещество ещё раньше. Да и смысл пытаться подстрелить одного гвардейца, если останутся ещё восемь? Перевес явно не в мою пользу.

А вот трансмутатор материи...

Я подбираюсь пальцами к своему ремню, на котором закреплён набор небольших шариков Т-34.

– Руки вверх! – приказывает Мирей, заметившая мои поползновения и, судя по приложенной силе, пытающаяся буквально насквозь проломить мой череп своей пушкой. – За голову, быстро! И вы тоже!

Мне, Локсу и Юне ничего не остаётся, как повиноваться.

– Я начинаю уставать от игр, – снова подаёт голос ИИТ.

– Где Вега? – шипит хилер, взглядываясь в робота исподлобья полными ненависти глазами. – Что ты сделал с ней?

– Ждёт твоего возвращения домой. Ну же, Локс, поделись со мной знаниями, и я отпущу тебя обратно к твоей ненаглядной. Вы забудете обо всём этом, как о страшном сне, и будете жить долго и счастливо. Я прощу твоё предательство, притворюсь, что ничего не было. Ты хотел бы этого, не правда ли? Или же ты готов пустить всю свою жизнь под откос

ради какого-то глупого секрета?

– Не такого уж и глупого, раз ты так вцепился в него. Скажи-ка мне, ИИТ, зачем тебе знать, как восстановить чьё-то сознание?

Юна, до этого пристально следившая за окоченевшими гвардейцами, упирается испуганными глазами в хилера.

– Стань мы с тобой партнёрами, как ты мне обещал, я бы, возможно, и посвятил тебя в детали своей инициативы, но, надеюсь, ты не обидишься, если я скажу, что после всего, что ты натворил, мне придётся лишить тебя этой привилегии. И так?..

Уголки рта Локса вдруг начинают расползаться в стороны. На его лице вырисовался пугающий оскал.

– Ты шантажируешь меня убийством Тоа? – Звук моего имени из уст аполла заставляет моё сердце забиться быстрее. – Значит, вот такого ты обо мне мнения? Якобы я настолько недалёк, что поверю, будто ты сохранишь ему жизнь, расскажи я тебе о нейрореконструкции? К чему тебе оставлять его в живых, ИИТ? Тоа, должно быть, единственный человек на Арке, которого тебе стоит бояться. Да ты избавишься от него при первой же возможности!

Ну спасибо, доктор Локс!

После такой убедительной речи у ИИТ конечно же поубавиться причин задушить меня на месте...

– Ты вовсе не недалёк, Локс, – говорит «Викки». – Поэтому я и согласился работать с тобой. Поэтому ты жив. И по-

этому я всё ещё пытаюсь вести с тобой переговоры, уповая на твоё благоразумие. Конечно, мне нужна смерть мальчика. Но я не хочу убивать его. Я *должен*. Ведь вы сами не далее как десять минут назад обсуждали смертельную опасность, которую его необычный мозг представляет для меня. Что бы ты сделал на моём месте, знай ты о подобной угрозе? И всё же есть другой способ разрешить это затруднение. Ты даже не представляешь, насколько щедрое предложение я готов вам сделать.

Локс заметно настораживается.

– Посмотри, – продолжает робот, – как ловко ты научился извлекать жемчуг из мозга при помощи своей установки. Гениально! Но зачем ограничиваться собой и своим другом Готлибом? Я позволю тебе проделать то же самое с Тоа – и тогда он будет опасен для меня не более, чем пустынный тушканчик. А главное – он будет жить. Всё в твоих руках. Отказываться глупо. А теперь я вынужден начать отсчет пяти секунд, и если по истечении этого времени ты...

– Ладно! – вскрикивает Локс. – Я... Я расскажу.

– Доктор Локс, пожалуйста... – бессильно произносит Юна.

– Знаю, Юна. Прости, но у нас нет выхода. Он не отстанет.

– Тоа... – Шёпот Мирей дуновением нежданного летнего ветерка посреди фолиабря влетает в мои наострившиеся уши. – По моему сигналу тихо снимай инкогнитор...

Мне не послышалось? Что она задумала? Или это очеред-

ной подвох? Она продолжает:

– Я возьму на себя гвардейцев... Готов?

Я делаю микроскопическое движение головой.

– Хорошо. Тогда... *Давай!*

Моя правая рука, прикрывающая голову сзади, нащупывает прохладную выпуклость диска инкогнатора над ухом и, сжав его пальцами, незаметно отлепляет устройство от вцепившихся в него волос. Сию секунду все девять гвардейцев оживают; один из них объявляет усиленным портативным громкоговорителем голосом:

– Всем оставаться на местах! Вы обвиняетесь...

– Сейчас! – кричит кому-то Мирея, и эфир пронзает резкий птичий щебет. Я оглядываюсь на клетку с тремя канарейками, но та уже опустела, а сами птицы взмыли под потолок и начали стремительно множиться, отпочковываясь друг от друга, прямо как их хозяйка во время своего выступления в амузале. Через какое-то время вся гостиная заполнена густым облаком из десятков мечущихся «желтков», с истошными криками бросающихся на бойцов Гвардии. Особого вреда они им не наносят, но этот манёвр даёт нам окошко времени для того, чтобы оценить обстановку и понять, что делать дальше.

Локс, не раздумывая, кидается с кулаками на ближайшего гвардейца и заодно пытается вырвать дубинку из его рук. Юна, кажется, только и ждала, когда подвернётся момент размять кости и испытать на деле приёмы, подсмотренные

у Аарона. Её руки и ноги мелькают так быстро, что трудно уследить, кого и как именно она обрабатывает в отдельно взятый момент, а гвардейцы, в свою очередь, взывая и хватаясь руками за свои повреждённые конечности, валятся на пол вокруг неё, как переспелые плоды вокруг дерева.

Мирея, ускакав за диван, использует его как баррикаду и отстреливается от гвардейцев своей пушкой, которая оказывается неизвестным мне видом оружия, выпускающим из своего дула что-то вроде электрических разрядов. Достигнув цели, они пронзают гвардейцев, лишая их возможности двигаться и роняя их контуженные тела на пол. Я, разумеется, тоже вношу свою лепту и, перекувыркнувшись по полу и избежав по пути ударов рассекающих эфир дубинок, свистящей спиралью из своей плазмодрели отправляю двух гвардейцев в затяжной полёт до диванного стеллажа. Мирея реагирует на их внезапное прибытие, окончившееся разрушением её ценной коллекции, оглушительным визгом. Останки наград разлетаются по комнате.

– Довольно!

Голос подобен взрыву.

Освещение в комнате вдруг начинает меняться и постепенно багровеет, пока каждый предмет не приобретает кроваво-красный оттенок, от которого в глазах появляется неприятное давление. Канарейки в стае лопаются одна за другой, а три оставшиеся, оригинальные, мчатся обратно в клетку, унося свои хвосты и перья от невидимого врага. Два

уцелевших гвардейца, не понимая, что происходит, потерянно озираются по сторонам, а затем снова лишаются способности двигаться, замерев каменными изваяниями среди бездыханных тел своих поверженных товарищей.

Вся комната начинает вибрировать, и разбросанные по ней предметы – стаканы, стулья, клетка с птицами – вопреки гравитации отрываются от пола и поднимаются в эфир. То же делает и Мирея: её тело медленно плывёт вверх, пока сама гимнастка, лицо которой обрамлено «ожившей» копной таких же красных, как и комната, волос, невидящими глазами смотрит перед собой. Её рука, крепко сжимающая электрический бластер, плавно поднимается и утыкается ей в подбородок.

– Видит Сейвер, я дал тебе множество шансов! – гремит из всех стен голос ИИТ, в котором начинают проскальзывать какие-то неестественные, потусторонние ноты. – Больше, чем ты заслуживаешь. Это последний...

– Тоа...

Локс смотрит на меня из противоположного конца осата-невшей гостиной. Юна, стоящая ближе ко мне, не может решить, за кем ей следить: за хилером, который что-то хочет мне сказать, за мной, оцепеневшим и вросшим ногами в трясущийся пол, или же за Миреей, которая вот-вот выстрелит себе в голову «рукой» ИИТ.

– Он там... Ты сможешь, – выдыхает Локс, пронзая меня чёрными глазами, которые в алом освещении комнаты похо-

дят на две бездонные дыры.

Я уже знаю, что мне нужно делать.

Сосредоточив всё внимание на Мирее, тело которой взяла под контроль всемогущая машина, я заставляю себя забыть о существовании всего, что находится вокруг, – этой комнаты, доктора и Юны, – и вгрызаюсь мыслями в убежище ИИТ, каждым импульсом своего сознания стараясь пробить защитную стену и войти в его цифровую крепость. Изображение комнаты, отпечатанное на сетчатке моих глаз, сужается, и, заметив напоследок, как палец Мирей, словно в замедленной съёмке, сдавливает сенсор на рукоятке бластера, я оказываюсь в чём-то вроде туннеля, который поглощает меня целиком и тащит куда-то со сверхзвуковой скоростью. По краям воронки дрожат и скачут мелькающие ярко-красные полосы, а в центре разверзается чёрная бездна, затягивающая меня в своё прожорливое нутро.

«Полёт» оканчивается резко: я обнаруживаю свою шею зажатой в стальных пальцах, принадлежащих чёрной дымоподобной фигуре без конца и начала. Существо безжалостно душит меня, пока я с хрипом трепыхаюсь в его мускулистой руке.

– Упрямый наглец! – рычит оно миллионом разнокалиберных голосов. – Забыл своё место? Ну так я тебе напомню...

Мои ноги повисают в эфире и отчаянно трепыхаются, пока руки пытаются ухватиться за чёрную лапу, но скользят

сквозь неё, словно та и впрямь соткана из дыма. В то же время пальцы, сомкнутые на моей шее, начинают как будто расти и расползаться дальше по телу – на плечи, грудь и руки. Чёрная тень поглощает меня заживо, «заражая» собой мой подбородок и подбираясь ко рту и носу. Вскоре одни лишь глаза, похлопывая, остаются на поверхности, но и они через мгновение тонут в чёрной массе, после чего я оказываюсь один на один с полным отсутствием чего-либо: только я и темнота.

– Простите, доктор Локс, – скулю я, рухнув на возникшую из ничего терру, упёршись в неё руками и склонив голову вниз. – Я не смог... Не смог...

Горячие слёзы брызжут из глаз.

Я чувствую всепоглощающую слабость и жгучую обиду от того, что я всех подвёл. Теперь они умрут, а я наверняка окажусь последним – тем, кому выпадет «честь» наблюдать гибель всего, что я так и не сумел уберечь, прежде чем как самому сделать последний вдох и окончательно провалиться в забвение...

– Тоа! Тоа, дружище, ты как?

Я едва могу соединить звуки, которые слышу, в слова, а те, в свою очередь, – в чей-то отчётливый голос. Знакомый голос.

– Х-Хэрон?

Я сам не верю, что произношу это имя.

Он здесь? Как такое может быть?

Слабо шевелю разбухшими веками, прищуриваюсь и сквозь влажные ресницы вижу расплывчатое, но знакомое лицо моего друга на фоне ослепительно яркого света. Тот уставился на меня обеспокоенным взглядом своих карих глаз.

– Хэрон... – Говорить трудно из-за сковывающей боли в груди.

– Не шевелись, – просит он, кладя широкую ладонь на моё плечо.

Кажется, я лежу где-то, а он стоит надо мной. Его серьга в ухе отбрасывает мне в глаза пронзительные звёздочки света из неясного источника.

– Где... Где я?

– В госпитале, – отвечает друг. – Тебя нашли еле живым у разрушенной шахты. Тоа, что ты там делал?

У шахты? О чём он говорит?

– Хэрон, ты... Ты что-то путаешь... Я был в аполисе...

Тот смотрит на меня каким-то странным взглядом, как будто он... разочарован во мне. За матовым стеклидом кабинета суетливо снуют неразборчивые тени.

– Вы были правы, – тихо говорит Хэрон кому-то, ссутулив могучие плечи. – Всё, как Вы и говорили.

В прозрачном пластидовом мешке над моей головой звенит упавшая в чёрную жидкость капля. Звук такой резкий, что заставляет меня поёжиться.

Что это за дрянь?..

– Не расстраивайся, Хэрон.

Этот голос я тоже узнаю.

Звуки разносящихся эхом шагов, и вот с противоположной от Хэрона стороны надо мной вырисовывается силуэт доктора Локса. Тот почему-то одет в защитный белый костюм, полностью покрывающий его тело, совсем как в том воспоминании из инкубатора. Видимой остаётся лишь пара его чёрных, как смола, глаз, пристально всматривающихся в меня из-за мутноватого защитного экрана.

– Что же делать, доктор Локс? – спрашивает у него Хэрон. Он выглядит как никогда подавленным.

– Мы уже не вернём твоего друга, – сообщает ему аполл и снова смотрит на меня, одновременно извлекая из-за спины что-то, чего я не могу разглядеть. – Нам придётся прекратить его страдания. Это лучшее, что мы можем сделать для него...

– Хорошо. Только давайте быстро. Не хочу, чтобы он мучился.

Хэрон отходит в сторону, покидая поле моего зрения.

– Что... – выдыхаю я, чувствуя подступающую к горлу тошноту. – Что Вы делаете? Хэрон! Доктор Локс, это же я! Я в порядке!

Хилер не слышит или делает вид, что не слышит. Когда его облачённая в жёлтую резиновую перчатку рука приближается к моему лицу, я вижу, что он сжимает в ней маленький старомодный ключ тёмно-серого цвета.

В нос бьёт горький запах металла.

– Зачем это? Прошу, не надо!

Локс невозмутимо вставляет ключ в мой лоб.

С таким же успехом он мог вонзить в него скальпель – я кричу от боли, но изо рта не выходит ни звука. Хилер проворачивает ключ несколько раз, ласково приговаривая:

– Скоро всё закончится, Тоа. Ты вёл себя храбро, но, к сожалению, мы не уберегли твой рассудок. Как только я закончу, ты почувствуешь себя гораздо лучше. Конечно, это будешь уже не совсем *ты*. Но взгляни на это с другой стороны. Ты начнёшь новую жизнь. Разве это не прекрасно?

Шум его хрипящего дыхания, отфильтрованного респиратором костюма, закладывает уши. Стены кабинета начинают пузыриться и таять, как плавающий пластид, обнажая багровый вихрь, беснующийся за ними. Я проваливаюсь сквозь полиуретан койки, словно это зыбучий песок, но в последний момент успеваю выхватить ключик из руки Локса.

– Нет! – шипит хилер, но поздно.

Слои его кожи и одежды отваливаются от него и летят прочь. В конечном счёте Локс растворяется в вихре, как и кабинет, и пластидовый мешок с жидкостью, и толпа чёрных теней за стеклидом. Я наблюдаю всё это, пребывая в свободном падении, по ощущениям не отличимом от полёта с обрыва станции Гвардии. Пока я лечу, моя рука стискивает ключ так сильно, что он больно впивается в кожу, но я заставляю себя держаться за него из последних сил: почему-то мне кажется, что это сейчас чрезвычайно важно.

– Камрады, давайте поприветствуем на арене нашего большого во всех смыслах этого слова друга – Лучезар-р-р!

Мои ноги касаются твёрдой поверхности, а пальцы рук сразу узнают её по характерному материалу покрытия.

Я в Агилитроне.

Только вместо трибун здесь непроглядная тьма, а вместо зеркального Лучезара в центр закрученной цепочки из платформ неспешно поднимается гигантский огненный шар, совсем как тот, с каким я имел «удовольствие» общаться в Гиперсфере в здании Сената. Я чувствую, что с ключом в моей ладони что-то происходит, и, опустив глаза, с удивлением обнаруживаю, что это больше не крохотный древний ключ, а увесистый фиолетовый куб, активирующий файервол.

Огненный Лучезар, вспыхнув ещё ярче, выстреливает центумом таких же красных, как и он сам, лучей, которые начинают бешено плясать по арене, выискивая, по всей видимости, меня. Недолго думая, я бросаюсь на подвешенную выше платформу, обхватив куб рукой и прижав его к боку. Мне удаётся запрыгнуть на неё, едва миновав один из беснующихся алых лучей, с шипением сверкнувший у моей лодыжки. Пригнувшись и прислонив куб к поверхности платформы, я начинаю рассчитывать траекторию для следующего прыжка, но горящий «солар» пользуется этой задержкой и отправляет убийственный луч прямо мне в грудь. Я успеваю только ахнуть от неожиданности, прежде чем моё тело срысывается и снова летит камнем вниз, как и фиолетовый ключ,

который всё-таки сумел сбежать от меня. Я машу обеими руками, пытаюсь дотянуться до его и ухватить в полёте, но скользкий куб выпрыгивает из пальцев, стоит им коснуться его.

– Хакер «Квантов-мутантов» утрачивает ключ, а вместе с ним – и шанс вырвать для своей команды победу! Какая трагедия для всех, кто рассчитывал на Тоа Канвальда! Без сомнения, следующий матч команда проведёт уже без него...

Я сталкиваюсь спиной с грудой каких-то плотных предметов и сразу начинаю проваливаться сквозь них. Чтобы не сгинуть в этой куче с концами, начинаю усердно цепляться пальцами за всё, что подворачивается под руку, и таким образом мало-помалу выныриваю обратно.

Это что, какая-то свалка?

Вытягиваю шею и кручу головой в разные стороны – оказывается, я шмякнулся в бескрайнее море из оранжевых кубов-ключей. Они бьются друг об друга со стуком, гулким эхом разносящимся по помещению (если это, конечно, можно так назвать, ведь ни стен, ни потолка здесь нет и в помине). Я с трудом карабкаюсь по ним и одновременно высматриваю в огромной оранжевой массе свой, фиолетовый ключ. Это занимает так много времени, что в какой-то момент я уже теряю веру в то, что вообще смогу найти его, как и в то, что сам сумею когда-нибудь выбраться из этой безумной ловушки. Внезапно моё внимание привлекает слабо подсвеченная лиловая точка на горизонте. Обрадовавшись, как ре-

бёнок у киоска с фруктозной ватой, я бросаюсь в сторону ключа, продираясь сквозь толщу бесполезных оранжевых кубов, давящих мне в бока своими острыми углами и гранями.

Когда до ключа остаётся не больше метра и я вытягиваю вперёд руку, мысленно умоляя его запрыгнуть в неё обратно, моё тело вдруг наполняется необычным и в то же время пугающим чувством невесомости, которое выуживает меня из оранжевого капкана и поднимает высоко над ним, окончательно разлучив нас с ключом. Я беспомощно барахтаюсь и загребаю эфир руками в немом протесте, но всё без толку: море кубов становится озером, озеро – болотом, а болото – жалкой лужицей...

Я стою, прижавшись носом к холодному стеклиду.

Горячее дыхание из ноздрей рисует на нём мутные кляксы конденсата, которые пропадают с прозрачной поверхности так же быстро, как и появляются на ней. Стеклид служит перегородкой между мной и неким боксом, на дне которого навалены в кучу те самые оранжевые кубики и единственный – фиолетовый. Под потолком бокса медленно и со скрипом раскачивается металлическая лапа с длинными тонкими «пальцами», по которым бегают слепящие световые блики. Внутренность моей правой ладони нащупывает под собой какой-то бугорок, который при близком рассмотрении оказывается красным шариком-наконечником, нахлобученным на короткий рычаг.

Что ж, если я что-то знаю о рычагах...

Я двигаю его вправо – железная лапа сдвигается вправо. Я наклоняю рычаг влево – и лапа едет налево. Чудеса! Я принимаюсь управлять сверкающей клешнёй посредством рычага, вглядываясь в добычу немигающим взглядом и пытаюсь разместить железку прямо над кубом. Задерживаю дыхание, чтобы оно случайно не заставило мою руку дрогнуть, и даже слегка прокусываю нижнюю губу от напряжения. Когда мне кажется, что когти лапы остановились точно над ключом, я бью по круглой красной кнопке с такой силой, что она чуть не проваливается глубоко в панель, из которой очень кстати выросла пару мгновений назад.

Проходит секунда, за ней – другая. Блестящая лапа так и висит, болтаясь, на месте, как уродливая люстра под потолком гостиной сумасшедшего.

– Ну же, *дура!* – не выдерживаю я.

В ответ на это стеклидные стенки бокса начинают возмущённо дребезжать. Можно подумать, что где-то под нами гигантский бур прокладывает себе дорогу сквозь твёрдую породу.

А потом всё стихает...

Откуда ни возьмись гигантская металлическая лапа со страшным лязгом опрокидывается на мою голову и обхватывает её со всех сторон! Я вскрикиваю и, цепляясь руками за толстые когти, пытаюсь разжать тиски, но клешня уже шустро тащит меня наверх, в своё логово. Впрочем, на полпути она почему-то передумывает и отпускает мою чудом уцелев-

шую голову, не забыв напоследок подбросить меня повыше в эфир и так и оставив кувыркаться в чёрной невесомости. Сразу за этим такие же лапы (а, может, и та же самая) начинают выпрыгивать из темноты и «жалить» меня одна за другой. Они цепляют меня за руки, ноги, бьют в грудь. Я болтаюсь и подпрыгиваю, как тряпичная игрушка во власти озверевших детей, не в силах отбить свирепую атаку. В конце концов они прекращают пытку, и я падаю ничком, распластавшись на твёрдом полу.

Кашлянув кровью, которую я вытираю с лица тыльной стороной ладони, преодолевая боль во всём теле (сколько костей сломано?), я приподнимаю голову и вижу, что лежу во все не на полу, а на поверхности какого-то чёрного акваёма. Мои пальцы, касаясь прохладной глади аквы, пускают по ней кольца вибрации, но не проходят сквозь неё, словно я не человек, а какая-нибудь аквамерка. В хлюпающем зеркале подо мной материализуется волнующееся отражение. Я смотрю на своё измученное лицо, кровоподтёки на подбородке, ссадину под глазом...

Глаза.

Мои глаза жёлто-зелёные, а у отражения они почему-то красные. Разве я сейчас в гневе? Скорее, в полном смятении и ужасе.

Лицо в чёрной акве, сморщив нос с видом глубочайшего отвращения, разглядывает мои увечья, после чего внезапно дёргается и с громким всплеском выпрыгивает из аквы. Вы-

тянув вперёд руки с растопыренными пальцами, мой клон вонзает свои ногти в мою многострадальную шею и, брызжа пеной у рта, извергает из себя:

– Взгляни на себя! Какой же ты слабый! Никчёмный! Мне стыдно, что я – это ты!

Тоа номер два валит меня на пол.

– Ты не смог спасти профессора!

Он бьёт меня кулаком в лицо.

– Оставил Олека умирать одного!

Ещё удар. Кровь хлыщет на мокрый пол.

– И теперь ещё Мирея с братом умрут из-за тебя!

Стиснув зубы, он принимается с удвоенным рвением вдавливать моё горло в затвердевшую поверхность акваёма. Мои опухшие глаза закатываются, и вместо уродливой версии себя я начинаю любоваться красноватыми внутренностями собственной черепной коробки. Руки в агонии бьют по акве и ногам противника, но это похоже скорее на конвульсии, чем на самозащиту. Я машинально тянусь к поясу, на котором в физическом мире уже привык носить оружие, и – рукам не верю! – верная плазмодрель на своём месте, висит и как ни в чём не бывало ждёт своего часа. Мои непослушные пальцы обхватывают рукоятку и вытягивают пушку их чехла, пока вторая рука тянется к прицелу, изготовленному профессором Готлибом.

Клик!

Потеряв контроль над собственными глазными сферами,

я на ощупь погружаю дуло оружия в мясо чуть выше кадыка своей копии и сильно давлю на сенсор.

Громкий хлопок и ощущение чего-то рыхлого и горячего, усеивающего моё лицо. Глаза занимают исходное положение. Тоа номер два продолжает сидеть верхом на мне, но больше не пытается меня задушить: это не так-то легко сделать, если ты только что лишился головы, шеи и половины плеча. Из воронки, которой теперь заканчивается его тело, валит густой чёрный дым, а ошмётки его плоти всё ещё продолжают падать на пол вокруг нас, как праздничное конфетти.

Я сталкиваю с себя собственные останки и, кряхтя и ругаясь, встаю на ноги. Безголовый Тоа валится на бок, но мгновение спустя решает не разлёживаться просто так без дела, и, видимо, поэтому обращается в омерзительную чёрную многоножку, по размерам десятка в полтора превышающую то, чем ей полагается быть по норме. Клокоча, она уносит все свои лапки прочь, постукивая ими по полу, который неизвестно когда успел высохнуть и стать чем-то вроде металлического настила.

Разминая свою смачно похрустывающую шею и сплёвывая кровь, я наблюдаю, как членистоногое вползает в возникший из эфира порт, за которым нет абсолютно ничего, кроме ровного белого света. Исчезнув по ту сторону порта, существо оставляет меня наедине с самим с собой – но и в этот раз ненадолго. Уже через несколько мгновений со сто-

роны зияющей белизны начинают доноситься звуки, похожие на топот не одного, не двух – нет, целого центума людей.

– Да вы издеваетесь... – хриплю я и, чётко понимая, что одной моей пушки на всех не хватит, начинаю рыскать по помещению глазами в поисках уголка, где можно было бы спрятать своё истерзанное тело от очередной напасти. Отвлёкшись на сколопендру, я и не заметил, что не только пол, но и вся комната за это время успела преобразиться. Я смотрю на целую коллекцию странных чёрных приборов: все как один громоздкие, тяжёлые на вид, выполненные довольно грубо, словно были доставлены сюда из далёкого прошлого. Само пространство напоминает странный гибрид между смотровой госпиталя, заводским складом и отсеком астролёта. Для чего конкретно оно построено, можно лишь догадываться. В то же время я отмечаю, что некоторые части пола и оборудования как будто не до конца прогрузились и обрываются в случайных местах, продолжаясь в трёхмерном пространстве слабыми голубоватыми полигонами, схематично изображающими недостающие фрагменты.

А ещё здесь становится невыносимо холодно...

– Вот он!

В белом проёме порта возникают чёрные силуэты людей. Так держать, Тоа, также известный как камрад Тормоз!

Толпа вбегает в помещение, и я вижу, что все они облачены в броню, не сильно отличную от моей собственной, если не считать преобладающего в ней цвета хаки и общего

неопрятного вида: наплевав на дресс-код, они, кто во что горазд, перемешали в своих костюмах шлемы, защитные окуляры, респираторы, цепи и ещё Сейвер знает что. Впечатление такое, что экипировались они на том же мусорном заводе, где жил и работал Тинни.

В руках у большинства «бойцов» я замечаю допотопные чёрные автоматы, которые видел до этого лишь в архивных материалах о Земле. Оружие хоть и примитивное, но шанса на выживание почти не оставляет: что касалось жизни и смерти, разговор у землян был короткий. Те, кому автоматов не досталось, стискивают в кулаках какие-то палки с прикрученными к ним лезвиями и гвоздями, что ещё больше наталкивает на мысли о неандертальцах. Судя по пыльным, потрёпанным лицам, они пробивались сюда силой и сейчас наверняка готовы пойти на всё, чтобы...

Чтобы что?

– Не дайте ему сбежать! – выкрикивает мужчина с повязанным на лицо толстым рваным платком коричневого цвета.

Мне конец.

Хоть никто и не стрелял в меня фризером, но каждая из принадлежащих мне конечностей в ту же секунду окаменеет и забывает, как двигаться. Став не более, чем живым изваянием, я могу только дышать и беспомощно смотреть, как разъярённая толпа несётся на меня, рыча и потрясывая оружием в руках. Могли бы для приличия организовать оче-

редь – не будут же они в самом деле крошить меня в фарш все разом!

Мужчина с повязкой сопит и топает с такой самоотдачей, будто решил не задержать меня, как обещал, а сразу протаранить насквозь. Что он, в общем-то, с успехом и делает. Точнее, с ограниченным успехом. Ведь, ни замедляясь ни на секунду, он беспрепятственно пронесется сквозь меня, словно я призрак, а не организм из плоти и костей. Или призрак он, а я – настоящий. Это уж с какой стороны посмотреть. В любом случае, вся эта орава странно одетых людей с шумом и рокотом мчится за своим предводителем, следуя его примеру и даже не пытаясь меня обступить или любым другим способом дать понять, что я для них не пустое место. Трудно признать, но в этой сумасшедшей реальности, полной существ, мечтающих уничтожить меня физически и морально, у этих оказались дела поважнее.

Моё тело, осознав, что толпа безобидна и не сможет нанести ему вреда, приходит в себя; эликсир жизни вновь струится по закоулкам кровеносной и нервной сетей. Единственно логичным желанием в этой ситуации становится желание узнать, на кого же эти люди так взъелись и кого именно поставили своей целью догнать и схватить. Я делаю быстрый разворот на центум и восемьдесят градусов, чтобы посмотреть, куда они бегут, – и не вижу ни одного человека. Исчезли все до единого. Шум, поднятый ими мгновениями ранее, оборвался, превратившись в давящую тишину.

Но и это ещё не всё: пропала комната.

Все хитроумные устройства вместе с ведущим в белую пустоту портом – всё растворились в эфире без следа, оставив взамен то, что мне было нужно больше всего. Неуловимый ключ вернулся к своему изначальному облику и теперь лежит, дожидаясь меня, на расстоянии... Впрочем, расстояние до него определить невозможно из-за полного отсутствия здесь ориентиров и вообще чего-либо, кроме меня и самого ключа.

Я делаю один шаг, второй, и в итоге срываюсь на бег, но сколько бы метров я ни преодолел, ключ не меняется в размерах и не приближается. Разве это так должно работать? Я упорно продолжаю двигаться вперёд, но ключ как будто убегает от меня с той же скоростью.

Он что, издевается?!

Я зарываюсь пальцами в свою нечёсаную шевелюру и взлохмачиваю её ещё больше, пытаюсь хотя бы так снять по новой нахлынувшее напряжение. Кажется, что он так близко, только руку протяни.

Секундочку...

Я поднимаю правую ладонь. Так, что пальцы оказываются на уровне моих глаз. Сдвигаю их чуть влево, чтобы указательный и большой окружили поблёскивающий вдали ключик. Смыкаю их и чувствую кончиками холодную поверхность металла.

Ключ в моей руке.

Не зная, радоваться победе или огорчаться из-за собственного тугодумия, размышляю над следующим шагом. Если есть ключ, то должно быть и то, что он отпирает? Словно внемля моей неозвученной просьбе, впереди вырастает знакомая голубая решётка, отлитая из кода. Бесконечные прутья убегают далеко вверх и исчезают в вязкой темноте.

Я подхожу ближе, сжимая ключ в руке так крепко, будто неуловимый проказник может в любую секунду растаять и аквой просочиться сквозь пальцы. В решётке образуется такой же голубой, как и она сама, прямоугольник с крохотным отверстием, по форме напоминающим замочную скважину для древних ключей.

– *Уб... л... Убить... Как ты мог...*

Я узнаю голос, испещрённый цифровыми помехами. По ноющему позвоночнику пробегает холодок.

– Ну что, хочешь, чтобы я открыл её? – обращаюсь я к пустоте, сам не понимая до конца, чего хочу этим добиться.

В ответ молчание. Что ж, дело твоё...

Ключ с негромким скрипом входит в отверстие.

Один оборот.

– Остановись! – грохочет само пространство, а затем издаёт мерзкий звериный скрежет.

– *Что ты сделал! Ты обещал... УБИ-И-И-ИТЬ!*

Замок щёлкает.

– Про-о-очь! – взвизгивает ИИТ.

Сразу же за этим на барабанные перепонки обрушива-

ется мощь бесконечного числа децибелов так, что мне уже не разобрать, что именно я слышу: лязг, взрыв, крик, а может, всё сразу? Я только хочу, чтобы это прекратилось, а сам между тем чувствую знакомый сильный рывок огромным невидимым крюком, который стремительно утаскивает меня отсюда, пока кодовая решётка перед глазами рассыпается на цифровые осколки, игнитовым каскадом падающие вниз. Последний зафиксированный мозгом образ – подёргивающийся силуэт освобождённого монстра, вылезавшего из тени, а затем меня окончательно затягивает ко дну быстро расширяющегося пространства.

Я всё ещё двигаюсь (точнее, что-то всё ещё тащит меня куда-то), когда к бессмысленному вихрю шумов добавляются вполне отчётливые и даже обыденные звуки: встревоженные выкрики людей, раздающиеся со всех сторон, и быстрый топот чьих-то ног прямо над моей головой. Продрав слипшиеся веки, я обнаруживаю, что вишу вверх тормашками, а мой взгляд упирается в ускользящий из-под пары двух знакомых ног пол. Знакомых, потому что я провёл в компании этих нейлоновых белых штанов последние несколько дней. Дезориентация настолько обезоруживает, что мне требуется ещё секунд семь, чтобы полностью осознать происходящее: взвалив меня на плечо ногами вперёд и обхватив моё туловище одной рукой, Юна мчится вперёд, неся меня на себе, как куль с награбленным сокровищем.

«Как?» – мигает в моём сознании.

Она, может, и провела на тренировочной площадке на пару с Аароном десятки, а то и центумы часов, как следует натренировав своё тело и подготовив его ко всевозможным схваткам и другим невзгодам, но это никак не объясняет того факта, что мой вес, судя по всему, не доставляет ей ровно никаких неудобств, словно я не половозрелый эфин, а плюшевый бандус из коморки Тинни. Плюс к этому, нельзя не признать, что пребывать в подобной позе в целом довольно унижительно.

Моя голова едва крутится (причиной чему служит и мой недавний кошмар наяву, и неудобное положение тела), и потому я лишь мельком захватываю окружающую обстановку. Если я ничего не путаю, мы вернулись в просторный зал внутри здания-медузы, а вокруг нас находятся люди, шархающиеся в стороны при приближении нашего необычного дуэта, подобные которому, уверен, здесь встречаются нечасто.

Конечно, мне немедленно хочется засыпать Юну целым градом вопросов: от того, куда подевались Локс и Мирея, и до обстоятельств, заставивших меня нестись сквозь пространство верхом на её плече, врезаясь в эфир не самой презентабельной частью своего тела. Проблема только в том, что меня трясёт так нещадно, что, даже если бы мне удалось разжать одеревеневшие челюсти, вряд ли кто-либо смог бы разобрать хоть пару слов из моих уст.

Вдобавок у нас как раз возникли проблемы покрупнее.

– Стоя-я-ять!

Одно преимущество моей позы: угол обзора позволяет беспрепятственно увидеть, как за нами пустились вдогонку четыре робота-гвардейца, плюс пара их коллег-людей с фризерами наперевес.

– Юна, Гвардия! – воплю я, бросив все силы на извлечение этих двух слов из недр своих лёгких.

И снова нас окружает рой свистящих голубых лучей из гвардейских пушек. Это не говоря уже о сигналах, по-предательски невидимых и бесшумных, посылаемых роботами нам в спину. Сейвер, надеюсь, с её инкогнитором всё в порядке – иначе нам крышка!

– Немедленно остановитесь, именем Сейвера и ИИТ!

Не знаю, что именно произошло дальше.

То ли защита жемчуга всё же слетела с головы Юны и сразу же сделала из неё лёгкую добычу для гвардейцев, то ли на нашем пути образовалось какое-то препятствие – так или иначе, я резко взлетаю в эфир и, проведя в состоянии свободного полёта изрядное количество секунд, сталкиваюсь с твёрдым полом, проехав на боку ещё несколько метров вперёд. К счастью, голова осталась цела, и потому я, плюнув на боль от удара, молниеносно вскарабкиваюсь на ноги, чтобы узреть следующую картину: коренастый мужичок-хефес с мощными железными руками, которые больше подходят на устройства для активного взрыхления терры, хватается ими за упавшую Юну и кричит в сторону гвардейцев:

– Камрады, я поймал!

В это же время я чувствую прикосновения чьих-то рук и к самому себе.

– Вы в порядке? – спрашивают меня взволнованные прохожие. Спорю на что угодно, они решили, что Юна и в самом деле выкрала меня и транспортировала в своё воровское логово прямо на глазах у законопослушных граждан, пока один из них не сорвал её коварный план.

У меня нет времени всё им разъяснять. Стряхнув с себя их руки и проигнорировав вопросы, я кидаюсь к Юне, которую всё ещё удерживает в заложниках инициативный хефес. Когда я равняюсь с ними, гвардейцам остаётся шесть секунд до того, как они смогут окружить нас плотным кольцом.

– Слушайте... – задыхаюсь я, обращаясь к мужчине в надежде убедить его отпустить нас подобру-поздорову. Но я не успеваю закончить из-за чьего-то вопля:

– О, Сейвер!

Толпа, обступившая нас, глядит вверх, в полупрозрачный купол «медузы». Мужчина-хефес, ослабив хватку, смотрит туда же, как и гвардейцы, замершие на месте в парах метров от нас.

Я поднимаю голову.

Сначала мне мало что удаётся разглядеть из-за матового пурпурного покрытия на сверкающем световыми точками куполе. Но когда фокус глаз настраивается на приём происходящего за его пределами, на его оценку у меня остаётся

лишь пара мгновений. Я буквально вижу поставленный на паузу кадр: изгиб громадного стального серпента, огненные «глаза» и яркие голубые полосы по бокам.

Подаквенный поезд, копии которого мы видели по пути сюда, сбился с курса и готовится протаранить носом крышу здания, внутри которого мы все очень «кстати» собрались в эту самую минуту. Никто не успевает произнести ни слова, не говоря уже о том, чтобы решить, куда уносить ноги.

БА-БАХ!

Столкнувшись с куполом, поезд взрывается, заливая лица всех наблюдающих ярким светом, как из огненного прожектора. И если бы только это было самым ужасным из того, свидетелями чего нам пришлось стать! К несчастью, на этом безумие не заканчивается: из-за взрыва в крыше образуется брешь, которая мгновенно разверзается, пропуская внутрь и горящий остов поезда с пассажирами внутри, и, что ещё хуже, – тонны и тонны морской аквы.

За сплошной стеной оглушительного визга охваченной паникой толпы и шумом обрушивающегося с небес смертельного аквапада мне удаётся уловить одно лишь слово:

– Тоа!

Серебряный блеск, алое зарево, смешанное с бескрайней синевой, а после – меня с головой накрывает волной, всящей столько же, сколько и сам океан.

3. ЮНА

– Тоа! Ну же, очнись!

Кто-то хлопает меня по щекам. Кто пустил их в мою комнату? Я же чётко попросил Руни...

– Грах, Тоа! Просыпайся!

Если это Ма, то она выбрала странный способ заставить меня вылезти из сомнума. Да и с каких пор она стала такой грубиянкой?

Как бы ни хотелось, долго сопротивляться не смогу, ибо в сомнуме становится непривычно жарко. Руни там что, окончательно наплевала на свои обязанности? Надо будет сказать отцу, пусть покажет её мастеру.

– Ладно, если не хочешь по-хорошему...

Ма кладёт руку мне на грудь. Проверяет, дышу ли я? Очень смешно. Я, может, и любитель поспать, но не до такой же степени...

Разряд!

Электричество роем раскалённых иголок впивается в плоть, позвоночник выгибается дугой, а глаза выпрыгивают из черепа, как косточки из прунов, и ошалело вращаются в глазницах. Из рта и ноздрей брызжет фонтан аквы, стекающей по щекам и подбородку. Я захлёб заглываю эфир, пока сердце отбивает пулемётную очередь в грудной клетке.

С минуту я могу только лежать на спине, часто дыша, со-

всем как перегревшаяся в лучах солара собака, впитывать в себя медленно плывущую по пространству заворачивающую мелодию каких-то духовых и пялиться слезящимися глазами в потолок, увешанный ровными обручами мятно-зелёных светоидов. Я бы пролежал так ещё вечность, но тогда не узнаю, куда меня занесло на этот раз. Поэтому, прислушавшись к своему организму и убедившись, что он наладил все жизненно важные процессы и не даст сбой в самый неожиданный момент, собираюсь с духом и предпринимаю осторожную попытку привстать на локтях и осмотреться.

Я нахожусь в большом, но довольно тусклом помещении, освещённом лишь кругами на потолке и тонкими розоватыми полосами, бегущими по стенам параллельно полу. Но и их не так легко заметить из-за большого количества папоротниковых зарослей, высаженных здесь то ли в качестве декора, то ли ещё с какой целью. Вытянутые листья растений лениво хлопают по стеклидным стенкам крупных капсул, больше всего напоминающих гранёные яйца-гиганты. Порты «яиц» раскрыты, а внутри можно разглядеть простой интерьер в виде мест для сидения, выполненных из какого-то белого материала с щедрыми вкраплениями чёрной и серой крошки. И по капсулам, и по папоротникам бегают, подрагивая, бирюзовые узоры, которые обычно рисует подсвеченная аква на дне бассейнов. Да и сам пол, на котором я распластался, оказался покрыт тонкой плёнкой горячей аквы, из которой время от времени выпрыгивают струи горя-

чего пара, достающего своими белыми тентаклями до самого потолка.

«Сауна», – мысленно сообщаю я сам себе.

Всё это прекрасно, но какого граха здесь делаю я, да ещё и в одежде, если уж на то пошло? Осматриваю себя до самых кончиков ботинок. Вроде всё на месте, включая даже плаз-модрель в кобуре. Интересно, как она пережила потоп?

Потоп!

Воспоминания обрушиваются на голову волной, совсем как та, что совсем недавно буквально сбила меня с ног. Об-лава в убикоре, дикий трип по внутренностям ИИТ, очеред-ной побег от Гвардии, сошедший с воображаемых рельс по-даквенный поезд и, наконец, – катастрофа, финалом кото-рой, без сомнения, должна была стать моя смерть. Должна была, если бы не...

– Юна! – хочу я закричать, но вместо этого голос выдаёт какой-то жалкий бульк. Зову ещё раз, но громче.

– Я здесь...

Сквозь дымку пара и перья папоротников я не сразу за-мечаю её слабо очерченный силуэт. Между нами метров де-сять. Она сидит спиной ко мне, и её спина ничем не прикры-та.

– Что ты там... – Я пытаюсь поднять себя с пола, но терп-лю неудачу. – Ты в порядке?

Она молчит. Редкие капли влаги, стекающие с листьев растений, звенят, ударяясь о мокрый пол.

– Юна, ты меня пугаешь... – Я нахожу в себе силы встать на шатающиеся ноги.

– Стой там, пожалуйста.

Я замираю. Не уверен, что вообще могу сейчас ходить.

– Стою. Теперь скажешь, в чём дело?

– Тоа... – Её голос звучит блекло, обессиленно. – Я должна тебе кое-что сказать...

Этого не хватало! В такой день ещё одна порция плохих новостей рискует добить меня окончательно. А хорошими здесь и не пахнет.

– Мне давно следовало это сделать, – продолжает она. – Тоа, дело в том, что я не та, кто ты думаешь...

Несмотря на тропическую жару, моё тело пробивает озноб.

Я не могу поверить, что попался на это уже в который раз. Забар, Мирея, и вот теперь... Юна?

Из всех людей – Юна?

Это не укладывается в голове. Не имеет никакой логики. Никакого смысла. И всё же я не ослышался. Она сидит здесь, повернувшись ко мне спиной, и признаётся, что всё это время водила меня за нос. Откуда-то из глубин живота поднимается кипящий сгусток гнева, который начинает распирать лёгкие. Не оставляя ей шанса нанести удар первой, я выхватываю свою плазмодрель (хотя до сих пор не уверен, в рабочем ли та состоянии) и направляю ей прямо в затылок.

– Говори, – произношу я твёрдым голосом. Заставить его

не дрожать стоит мне больших усилий.

– Лучше тебе увидеть... – Она начинает медленно подниматься.

– Эй-эй! – прикрикиваю я, крепче сжимая рукоятку оружия. – Клянусь, одно неверное движение – и я нажму на сенсор!

Ну почему, Юна, почему?!

Зачем вынуждаешь меня угрожать тебе? Ведь всё шло так хорошо... Ну, то есть не совсем всё. Ладно – почти ничего. Но ведь ты, именно *ты* была для меня практически единственным уголком уверенности в мире, переворачивающимся с ног на голову у меня на глазах! А теперь... От обиды хочется пробить себе лоб стволом плазмодрели.

– Ты правда сможешь выстрелить в меня? – спрашивает она, выровняв спину. Её комбинезон, спущенный ниже талии, белым пятном плавает в клубах пара.

– Даже не сомневайся.

– Тогда мне лучше поднять руки вверх.

С этими словами она делает ровно то, что сказала. С одним лишь нюансом: полностью поднимается лишь её левая рука, в то время как вместо правой в эфире висит короткий обрубок.

– Что... что это за *хрень*?! – кричу я, врезаясь своим воплем в сотворённую специально для этого места атмосферу тотального спокойствия и безмятежности. Мне хочется бросить пушку и подбежать к ней, но я вовремя одумываюсь:

возможно ли, что ИИТ всё ещё удерживает меня в своём мире и продолжает забавляться с моим воображением?

– Если хочешь, можешь подойти ближе. Не опускай оружие, если не доверяешь мне.

Ага, так я тебе и поверил!

Как будто я не видел, что ты способна делать с людьми парой махов ногами! Такие мысли проносятся в голове, пока мои собственные ноги сами несут меня к ней. Глупые ноги, мы же были заодно! Я практически касаюсь выходным отверстием плазмодрели её мокрых перламутровых волос. Теперь я вижу, что на том месте, где раньше была рука, нет никакой крови. Но зато есть...

Нет, не может быть.

Юна медленно разворачивается лицом ко мне. «Эй, ты же не одета!» – кричит моё сознание, но губы остаются решительно сомкнуты.

То факт, что она стоит передо мной, ничем не прикрывшись, становится меньшим из потрясений. Я скользну взглядом по её оторванной руке, из края которой торчат спутанные провода и какая-то молочно-белая неровно оборванная оболочка, по плечам и животу, поделённым тонкими полосами на отдельные сегменты, на которых симметрично вырисованы несколько небольших тонких колец, и по центру её грудной клетки, где поместился большой прозрачный ромб, за которым виднеются сияющие голубым светом детали, сделанные из чего-то, похожего на чистый зеркальный металл.

Ключ, переданный ей отцом, поблескивает на поверхности ромба, свисая со шнура на шее. Кое-где в её кожу впились осколки стеклида, но и в этих местах не видно ни крови, ни ссадин.

Плазмодрель тянется к полу в моих обмякших руках.

– Я не человек, – просто говорит Юна, опуская свою целую руку вниз. Мои губы дрожат так сильно, что вылетающий из них звук едва похож на слово:

– Р-робот?

– Андроид, если точно, – поправляет она. Только сейчас я обращаю внимание, насколько она красива в этом бирюзовом освещении и с испариной, покрывшей гладкую кожу её лица. Через мозг за секунду проносятся терабайты данных – все те вопросы, которые я хочу задать.

Но я говорю лишь:

– Может, оденешься? – и отхожу в сторону, отвернувшись.

– Прости, из-за той аварии я вся в стеклиде. Сначала надо вытащить осколки.

Прилично ли будет предложить ей помочь? Или продолжить притворяться, что мне безумно интересно разглядывать, как розовый свет играет на гранях одной из спа-капсул?

– Можешь пока задавать свои вопросы, – говорит она, как будто прочитав мои мысли. – Знаю, тебе не терпится.

Стеклидные осколки начинают один за другим звякать, осыпаясь на пол.

– Тебе не больно? – первое, что пришло в голову.

– Нет.

– Никогда?

– Никогда.

Пауза. Я снова поворачиваюсь к ней и выдыхаю одно лишь:

– Как?

Она всё поняла.

– Доктор Локс кое-что недоговорил об эффекте токсина, которым ИИТ травил маму и тебя. Я сама попросила его об этом...

– Ты попросила его *солгать* мне?

– Не солгать, просто умолчать о некоторых вещах. Знаю, это глупо, но... В общем, отравив человека, токсин не останавливается на этом. Он напрямую действует на ДНК, иницируя генетическую мутацию, которая затем передаётся по наследству. Я... *была* человеком когда-то. Но не так уж долго, потому что унаследовала болезнь от мамы. Ни отец, ни даже Локс не догадывались об этом, да и кто на тот момент мог знать...

На пол падает особенно крупный осколок. Юна отпихивает его в сторону ногой.

– Первые симптомы начались, когда отца уже не было рядом. Моя... Коммуна Аарона не могла понять, что со мной. Хилеры тоже разводили руками, а о докторе Локсе я тогда не помнила: была слишком маленькой, когда они с отцом общались. Да и знай я о нём, вряд ли бы это помогло, ведь он тогда

тоже сбежал. Сюда, в аполис, спасаясь от гнева ИИТ после случившегося в инкубаторе. Так я и умирала, окружённая Аароном и его родителями, которые могли разве что молча наблюдать, как я угасаю...

Расправившись со стеклидом, Юна хватается за свисающую с талии верхнюю часть комбинезона и натягивает её на плечи.

– А потом отец вернулся. Счастливый, потому что наконец мог забрать меня. Вот только забирать уже было практически некого. – Она горько усмехается, продевая целую руку в рукав. – Он не желал сдаваться. Нашёл способ связаться с Локсом, который, разумеется, сразу бросил все дела и помчался обратно в N11. Жену своего друга он уберечь не сумел и не мог позволить, чтобы подобное повторилось с его дочерью. Можешь завязать в узел?

Погружённый мыслями в её рассказ, я не сразу понимаю, чего она хочет. Она держит свой обрубок на весу и ждёт, когда я помогу ей справиться со свисающей с него тканью рукава. Я спешу к ней, разбрызгивая акву под ногами, и принимаюсь за дело. Пока мои руки закручивают белый нейлон, я стараюсь не касаться того, что осталось от её руки, хотя и понимаю, что больно ей сделать всё равно не могу.

– Локс опоздал. Когда он прибыл на место, я уже впала в кому.

Мои руки замирают – но задание выполнено.

– Спасибо, – говорит Юна и, взяв в целую руку свободную

часть повязанного рукава, без предупреждения вгрызается в него зубами, отрывая ненужный теперь кусок. Сомнений, что она андроид, не остаётся: у человека от такого трюка по-вылетали бы все резцы. Покончив с ним, она отшвыривает обрезок.

– Всё, что происходило дальше, я знаю только со слов отца. У них было моё бесполезное тело и остатки теплящегося разума, который мог в любую секунду исчезнуть. Тогда Локс рассказал отцу про процедуру, которую он назвал нейрореконструкцией. Суть была в том, что если бы они смогли найти жизнеспособный сосуд, доктор Локс мог бы попытаться извлечь моё повреждённое сознание из мёртвого тела и, восстановив его целостность, поместить в новый носитель.

– То, чего хотел ИИТ... – вставляю я, вспомнив разговор Алгоритма и Локса.

– Да. Сам понимаешь, звучит всё это, мягко говоря, нереально. Но ни отец, ни Локс не тратили время зря в изгнании. Пока один, находясь в Церкви, работал над созданием разнообразных машин, в том числе усовершенствованных роботов, другой изучал границы того, но что способна нейрохирургия. Так он и наткнулся на способ восстанавливать человеческое сознание. Ты удивишься, но это не так уж сильно отличается от реконструкции утерянных или повреждённых цифровых данных.

Юна ныряет в ближайшую капсулу-яйцо и усаживается внутри неё. Не дожидаясь приглашения, я устраиваюсь ря-

дом, но поближе к выходу, чтобы в случае чего было куда бежать.

– Теоретически, у них были две необходимые составляющие для такой сложной операции: тело, сконструированное отцом, и разум, восстановленный Локсом. Но не доставало третьей, последней.

– Души... – шепчу я.

Юна застывает, удивлённо смотрит на меня и... прыскает со смеху. Звук мечется внутри яйца, отражаясь от его стеклидных граней.

– Тоа, умоляю. Энергии! Нужна была энергия, чтобы завести машину. – Она опускает взгляд на свои ноги. – А так как тело должно было функционировать автономно и неограниченное время, можешь себе представить, *какой* объём энергии требовался для этого.

– Я так понимаю, они её нашли.

Она кивает:

– Папино прошлое помогло.

Я недолго складываю два и два.

– Хочешь сказать, вот это, – я тычу пальцем в центр её груди, где под слоем нейлона укрылся прозрачный ромб, – энергия из Синтешара?

– Ну да, – беспечно отзывается девушка. – Он украл её. Использовал все свои знания о реакторе и организовал ограбление века. Одного небольшого контейнера хватило, чтобы вдохнуть в новое тело жизнь. Так я и появилась на

свет... Во второй раз.

– И что ты подумала, когда очнулась?

– Да ничего. – Юна пожимает плечами (с одной рукой это выглядит странно). – Отец снова «постарался» и подкорректировал кое-какие настройки моего восприятия. Заставил поверить, что моё тело нисколько не изменилось. Я думала, что им удалось меня спасти.

– Получается, он обманул тебя? – вспыхиваю я.

– С одной стороны, да. Но с другой... А ты что бы сделал, если бы проснулся однажды и узнал, что ты умер и единственное настоящее, что от тебя осталось, – это кучка электрических импульсов, заключённых в неубиваемую жестянку?

– Я как-то... – запинаясь я, поджав нижнюю губу. – Наверное, разнёс бы всё вокруг.

– В точку, – соглашается Юна. – Вот и он поберёт мои нервы. Точнее, те компоненты во мне, что играли их роль.

– И как ты узнала правду?

– Случайно. Несмотря на «маленькую» неувязку с моей смертью, отец всё ещё намеревался забрать меня с собой в Церковь. Но для этого ему нужно было объяснить мне причину, по которой он вообще решил туда сбежать. Я была уже большой девочкой, и на этот раз всё могла понять. Так что он рассказал мне о своём расследовании происходящего в Синтешаре, о пропаже профессора Бовара и о том, почему он общается со мной не ртом, а через свой летающий динамик.

Всё наконец встало на свои места, кроме одного: я всё ещё не понимала, отчего умерла моя настоящая мама. И тогда он выложил всё, что знал о той ночи в инкубаторе. О том, как Локс обнаружил истинную причину этой болезни и том, как он спас... тебя.

Два сапфира вглядываются в моё лицо сквозь горячий пар. Я отвожу глаза в сторону.

– Ты, должно быть, возненавидела ИИТ, – тихо говорю я.

– Не то слово. Я поклялась *уничтожить* его. Знаешь, все считают, что это отец основал Церковь. Я никогда не спорила с этим, но на самом деле это я подкинула ему идею. Убедила его взяться за вербовку людей. Мы стали рассылать бумажные сообщения всем, кто мог хоть чем-то нам помочь или просто был готов нам поверить. Я знала, что затеваю опасную игру, но кто-то должен был взяться за это.

– Профессор не пытался тебя отговорить?

– Ещё как пытался. Но когда понял, что спорить со мной бесполезно, то попросил Аарона научить меня самообороне, чтобы я хотя бы могла себя защитить. Так мы приступили к нашим с ним тренировкам. Так я ненароком сломала ему рог. И так я поняла, что являюсь чем-то... другим. Аарон надавил на отца, и тому пришлось во всём сознаться. Это чуть не угробило сопротивление в зародыше, потому что после услышанного я видеть его не могла, как и не могла думать ни о чём другом, кроме себя самой. Понимаю, звучит ужасно. Но знаешь, кто в итоге заставил меня примириться с отцом?

Я только лишь приоткрываю рот, чтобы озвучить свою версию, но Юна уже подтверждает её:

– Аарон. У нас с ним состоялся долгий разговор. Мне было, за что злиться на отца: он подверг опасности себя и своих коллег по Синтешару, бросил меня одну в чужой коммуне, превратил меня в... это, – она обводит рукой своё тело, – не узнав, хочу ли я вообще быть такой. Но Аарон раскрыл мне глаза на те причины, по которым отцу пришлось пойти на всё это.

– Он любил тебя... – аккуратно вставляю я, воспользовавшись короткой паузой.

– Да. Так он и сказал. И это был не какой-то трюк, чтобы я снова начала разговаривать с отцом. Это была чистая правда. Теперь я понимаю это ясно, как никогда. А ещё я понимаю, что если бы не зажглась тогда идеей начать это глупое сопротивление, он был бы жив сейчас...

Внезапно она роняет своё лицо в уцелевшую ладонь и, уткнувшись в неё, начинает практически рыдать. Я не знаю, как реагировать: не привык видеть Юну в слезах. Но вот я сижу и смотрю, как эта бойкая воительница сбросила свою воображаемую титановую броню и стала обычной хрупкой девчонкой, такой же слабой и ранимой, как и все остальные в её возрасте. Я придвигаюсь ближе и осторожно, тщательно отмеряя каждое движение, кладу свои руки на её плечи. Я почти касаюсь губами её мокрых волос и одновременно говорю:

– Оно не глупое. Вспомни всех этих людей в Церкви. Они бы не пошли за вами, если бы не верили, что мир можно изменить к лучшему.

Всхлипывая, она отвечает приглушённым ладонью голо-
сом:

– Они бы точно не пошли с нами, знай они, что дочь того, кто повёл их на войну против Верховного Алгоритма сама не человек, а всего-навсего... ещё одна машина.

– То есть, никто в Церкви не знал о том, что ты... ну...

Она качает головой:

– Никто, кроме отца и Аарона.

Юна продолжает шмыгать носом, и меня начинает раздражать эта неуместная успокаивающая музыка, играющая на фоне.

– Я не думаю, что ты машина, – говорю я, вернув руки на свои колени и робко поглядывая на неё. – В смысле, ты, конечно, андроид, но я хочу сказать... Какая вообще разница? Ведь это всё ещё ты! Просто в другой оболочке. Внутри ты такая же, как и прежде.

Она поднимает голову и смотрит на меня припухшими, влажными от слёз глазами. Никогда бы не поверил, что они ненастоящие. На её синтетических блестящих губах появляется слабая улыбка:

– Ты-то откуда знаешь, какая я?

– Не знаю. Но был бы не прочь узнать, – улыбаюсь я в ответ.

Одна слеза падает с её ресницы на щёку ровно в тот момент, как капля аквы за стенкой капсулы ударяется о залитый пол, наполнив всё помещение эхом из вибрирующего звона.

***

Я не был уверен, стоит ли заваливать Юну очередной порцией вопросов после того, как она решилась поделиться со мной своим самым сокровенным секретом, о котором знали лишь три человека во всём мире. И тем не менее мне не терпелось узнать, что же всё-таки произошло в убикоре Мирей и как мы очутились в пустой сауне за минусом одной руки и двух инкогниторов, – как я и подозревал, блокирующее устройство Юны также пропало с её головы.

– Не беспокойся, – говорит она мне после того, как я не выдерживаю и указываю ей на это. – Им меня не обнаружить – у меня же нет жемчуга.

Сначала эта новость вводит меня в ступор.

Нет жемчуга? То есть как? А есть ли он вообще у кого-нибудь, кроме меня? Потому что в последнее время создаётся стойкое впечатление, что нет. Но затем до меня доходит: жемчуг создан для человеческого мозга и просто не будет функционировать в любой другой среде, тем более неорганической, коей является тело Юны.

– Подожди-ка, – хлопаю я глазами. – Выходит, ты всё это

время носила его, только чтобы...

– Чтобы никто не сомневался, что я человек, – кивает она.

Я слышу взрыв в собственном мозгу.

– Теперь я понял, почему тебе не понравилось выступление Миреи! Ты же его толком не видела!

– Поверь, без спецэффектов зрелище было печальное, – посмеивается она.

– Что с ней случилось? Перед тем, как исчезнуть в ИИТ, я видел, как она нажимала на сенсор своего бластера. Она... ну... – Я не могу закончить вопрос.

Веселье мигом смывается с лица Юны:

– Она не умерла. По крайней мере, я так думаю, потому что понять что-то наверняка в начавшейся суматохе было трудно. Я только увидела, как её с силой отшвырнуло в стену. – Она молчит пару секунд. – Как думаешь, что теперь будет с её братом?

– Если честно, я уже ни в чём не уверен, – подумав, отвечаю я. – Этот брат может оказаться такой же выдумкой, как и... многое другое. Да и ИИТ сейчас наверняка не до него...

Юна вдруг оживляется:

– Тоа, – говорит она, внимательно глядя мне в глаза. – Мне нужно, чтобы ты сосредоточился и попытался вспомнить, что произошло внутри ИИТ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.